

Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы
Московский институт социально-культурных программ

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 1 (30)

Москва, 2011

УДК 008
ББК 71
П71

Редколлегия журнала:

А. Л. Маршак (главный редактор), **В. В. Сергеев** (заместитель главного редактора), **О. Н. Мамонова** (ответственный секретарь), **О. В. Афанасьева**, **С. В. Бабакаев**, **М. Е. Гуляев**, **В. Н. Ксенофонов**, **В. И. Махонин**, **А. Е. Порватов**

Редакция журнала:

В. Г. Донской (заведующий редакцией), **Л. Г. Королёва** (литературный редактор), **А. И. Фомин**, **Ф. Н. Черепанов**

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М. : НИЦ «Академика», 2011. — Вып. № 1 (30). — 136 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей Аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 19 февраля 2010 года № 6/6 (уточнённая редакция от 22.10.2010).

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Московский институт социально-культурных программ, 2011
© НИЦ «Академика», 2011

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

- Иванов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор
- Сергеев В. К.** Директор Московского института социально-культурных программ, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Члены Совета

- Андреев Э. М.** Главный научный сотрудник ИСПИ РАН, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ имени М. В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук
- Андреев В. А.** Народный артист СССР, художественный руководитель Московского драматического театра имени М. Н. Ермоловой
- Вдовиченко Л. Н.** Доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии РГГУ
- Викторов А. Ш.** Доктор социологических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, член Творческого союза художников России
- Дмитриев А. В.** Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор
- Засурский Я. Н.** Президент факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор
- Капто А. С.** Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН
- Кузнецов В. Н.** Член-корреспондент Российской Академии наук, профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии культуры, воспитания и безопасности социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
- Кулашик Петер** Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матейя Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

-
- Маркович Данило** Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия
- Маршак А. Л.** Заведующий кафедрой социологии и гуманитарных дисциплин Российской академии предпринимательства, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации
- Миронов А. В.** Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации
- Нарбут Н. П.** Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России
- Петрусек Милослав** Доктор философии, профессор кафедры социологии факультета социальных наук Карлова университета, почётный проректор и декан факультета социальных наук Карлова университета, вице-президент Чешского социологического общества, иностранный член Российской академии социальных наук, Прага, Чехия
- Сосунова И. А.** Проректор Академии МНЭПУ, действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
- Федоряк Н. А.** Кандидат социологических наук, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
- Худяков С. И.** Руководитель Департамента культуры города Москвы, кандидат философских наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации
- Чупров В. И.** Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
- Швецова Л. И.** Заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы, руководитель Комплекса социальной сферы, кандидат политических наук
- Шкондин М. В.** Заведующий кафедрой периодической печати факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, генеральный директор Научно-методического центра преподавателей и исследователей журналистики, доктор филологических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

	Национальная безопасность России / National security of Russia	7
МУРАВЬЁВ Ю. А., ШИРЯЕВ В. П.	Недисциплинированная междисциплинарность: о проблемах междисциплинарных исследований / Rebellious interdisciplinarity: about the issue of interdisciplinary research	16
ВДОВИЧЕНКО Л. Н.	Образ будущего России в общественном мнении / Image of Russian future in a public opinion	32

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

КУБЯКИН Е. О.	Молодёжь в трансформирующемся российском обществе как объект социологического исследования / The youth in a transforming Russian society as an object of sociological research	42
---------------	---	----

РУССКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

АНИСИМОВА С. А.	Традиции социального служения Русской Православной Церкви / Traditions of the social service of the Russian Orthodox Church	50
ШАБШАЕВИЧ Е. М.	Московская концертная жизнь XIX века под сенью закона / Moscow 19-th century musical life in the shadow of the law	64
ЮДИН М. О.	«Первый в ряду своих собратьев». К 180-летию со дня рождения П. А. Овчинникова / «The first among the fellows». By the 180-th birthday of P. A. Ovchinnikov	74

АСПЕКТЫ

ИВАНЬКО Н. А.	Социокультурная идентичность современного российского общества / Socio-cultural identity of modern Russian society	83
КУЛИКОВ Е. М.	Социокультурные факторы генезиса слухов (на примере сообщений о терактах в Краснодарском крае в сентябре 2010 г.) / Social and cultural factors of genesis of hearsays (on an example of messages about the acts of terrorism in Krasnodar territory in September, 2010)	95

РОГОВА Е. Е. МИНЮШЕВ Ф. И., ТАБАТАДЗЕ И. А.	Рефлексия одиночества / Reflexion of loneliness 102 Константы (постоянные) жизни человека в обществе как базовые ориентиры оптимизации социальной политики Российского государства / Social constants of human life as base reference points of the Russian social policy state optimization 113
---	---

ИССЛЕДОВАНИЯ МИСКП

ЦАРИКАЕВА З. М., ЦАРИКАЕВА А. М.	Информационная безопасность Российской Федерации в контексте современного политического процесса / Informational security of Russian Federation in the context of modern political process 123
-------------------------------------	---

<i>КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ</i>	130
--	-----

<i>КОРОТКО О КНИГАХ</i>	131
-------------------------------	-----

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

23 ноября 2010 года в отеле «Балчуг Кемпински» состоялась презентация аналитического доклада, подготовленного Институтом социологии РАН совместно с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в РФ на тему «Национальная безопасность России в оценках экспертов» под руководством **М. К. Горшкова, И. В. Задорина, В. В. Петухова**.

Национальная безопасность России / National security of Russia

Аннотация

В статье на основе результатов экспертного опроса даётся типологизация представления российской политической и интеллектуальной элиты об основных угрозах национальной безопасности России.

Ключевые слова

Национальная безопасность; политическая элита; угрозы.

Annotation

In the article on the base of results of the expert survey the typologization of opinions of Russian political and intellectual elites concerning the main menaces to national security of Russia are presented.

Keywords

National security; political elite; menaces.

Последние десятилетия характеризуются фундаментальными изменениями роли и места России в мире и, соответственно, появлением новых вызовов во внутренней и внешней политике, что предполагает поиск новых подходов к обеспечению национальной безопасности страны и её граждан. Практика последних лет свидетельствует, что решение этой задачи сопряжено с целым рядом

проблем и трудностей, связанных как с глобальными процессами и тенденциями, так и с неэффективностью деятельности многих государственных и общественных институтов, включая ошибки прогнозирования развития процессов, так или иначе влияющих на уровень безопасности России. В определённой степени это связано с дефицитом и фрагментарностью исследований «новой повестки дня» для России в XXI веке.

С целью хотя бы частично устранить этот пробел, выявить и типологизировать представления российской политической и интеллектуальной элиты об основных угрозах национальной безопасности страны было проведено исследование «Национальная безопасность России в оценках экспертов».

Ниже приводятся фрагменты из отчёта, подготовленного по результатам экспертного опроса, проведённого в рамках совместного проекта Института социологии РАН и Исследовательской группы ЦИРКОН «Национальная безопасность России» в октябре — ноябре 2010 года аналитической группой под руководством М. К. Горшкова, И. В. Задорина, В. В. Петухова.

Опрос проводился путём заочного анкетирования посредством заполнения электронной анкеты. Для этого анкета (в электронном виде) была адаптирована под самостоятельное заполнение экспертом. По итогам реализации полевого этапа (сбора данных) общее количество результативных (заполненных) анкет составило 131 единицу. Географическое распределение представлено в таблице.

Город	Количество экспертов	Город	Количество экспертов
Москва	99	Кострома	2
Другие города, в т. ч.:	32	Липецк	2
Благовещенск	1	Нижний Новгород	2
Воронеж	4	Пенза	1
Екатеринбург	3	Пермь	4
Иркутск	1	Ростов-на-Дону	3
Казань	1	Санкт-Петербург	2
Калининград	3	Уфа	1
		Хабаровск	2

В ходе настоящего исследования национальная безопасность рассматривалась в первую очередь как социально-политическая

проблема, отражающаяся в общественном мнении, в частности — во мнении экспертов. И это неслучайно, поскольку проблема безопасности постоянно входит в первую пятёрку тем, в наибольшей степени волнующих россиян, а в некоторые исторические моменты — когда происходят теракты, техногенные катастрофы, социально-экономические кризисы — выходит на первое место. Как свидетельствуют результаты предшествующих исследований Института социологии РАН, стремление обезопасить свою жизнь от многочисленных вызовов, с которыми столкнулась Россия после распада СССР, стало главным фактором формирования общественного запроса на политическую стабильность, сильное государство, повышение роли силовых структур.

В конце 2000-х гг. заметную роль в актуализации проблемы безопасности сыграл социально-экономический кризис, который не только поставил под сомнение перспективы динамичного развития страны, но и вновь породил в обществе настроения тревожности, неопределённости. В то же время осознание новых вызовов привело к сближению позиций населения и экспертного сообщества в восприятии ситуации в стране и мире, хотя сохраняются и существенные различия в оценках, обусловленные спецификой массового сознания и экспертного мнения. Большинство россиян воспринимают проблемы безопасности в первую очередь через призму собственных интересов и интересов «ближнего круга», через события, имеющие близкую черту временного горизонта. Значительно в меньшей степени их беспокоят угрозы безопасности в отдалённых от них регионах страны и мира, касающиеся не самого ближайшего будущего; стратегические угрозы и т. п., что в первую очередь интересует и беспокоит экспертов.

Опрос экспертов, представляющих разные сферы деятельности — как тех, кто непосредственно несёт ответственность за обеспечение национальной безопасности, так и академических специалистов, обществоведов и политологов, общественных деятелей, — позволил посмотреть на проблему национальной безопасности стереоскопически, со стороны различных элитных групп.

Итак, результаты проведённого исследования свидетельствуют, что в целом состояние национальной безопасности России на нынешний момент характеризуется экспертами неоднозначно. Практически не было крайних оценок, как «катастрофических», так и сугубо оптимистических. Превалировали умеренно-тревожные настроения

и оценки. Точно такие же оценки давались в отношении ближайших перспектив. И это вызывает определённую озабоченность, поскольку обеспечение безопасности предполагает, помимо оперативного реагирования на появляющиеся угрозы, выработку комплекса мер превентивного характера, нацеленных на предупреждение этих угроз и опасностей в будущем.

Исследование выявило значительный разброс в оценках нынешнего состояния национальной безопасности представителями различных групп опрошенных. Меньше всего тревожность испытывают эксперты из числа госслужащих, связанных с ведомствами, непосредственно занимающимися проблемами национальной безопасности, больше всего — представители научного сообщества, а также эксперты-«общественники». Около 70% из них испытывают уровень тревоги выше, чем средний, в то время как чиновники и представители правоохранительных органов — 47%. Подобная картина во многом характерна для современной России, в которой представители властных структур преисполнены оптимизма по поводу положения дел в различных сферах, а учёные и общественные деятели им оппонируют с более критических позиций.

Если говорить о перспективах, то большая часть опрошенных экспертов склоняются к тому, что ситуация будет ухудшаться, пусть и не слишком быстро и заметно. Пессимистические оценки состояния и перспектив национальной безопасности в определённой степени связаны с кризисом 2008–09 гг., который высветил уязвимость социально-экономической системы, её зависимость от неблагоприятных мировых тенденций. Кроме того, по-прежнему нестабильна обстановка на Северном Кавказе, увеличивается социальное расслоение, а самое главное, несмотря на все попытки противодействия, растёт коррупция, ставшая главной «язвой», самой болевой точкой в жизни страны.

Неслучайно лишь около четверти опрошенных ждут улучшения ситуации в стране в ближайшие 3–5 лет, да и то не слишком значительного, а заметного улучшения не ожидает вообще никто. Вдвое больше тех, кто полагает, что ситуация в стране будет ухудшаться (46%). Остальные уверены в том, что никаких изменений ни в худшую, ни в лучшую сторону не произойдёт. Это свидетельствует о том, что большинство угроз, с которыми сталкивается наша страна, носят отнюдь не конъюнктурный, а долгосрочный, стратегический характер.

В оценках перспектив развития ситуации с национальной безопасностью страны также наблюдается расхождение во мнениях представителей различных экспертных групп: свыше 60% опрошенных экспертов-«общественников» и учёных полагают, что ситуация будет ухудшаться, в то время как среди «ведомственных» экспертов доля пессимистов менее 24%. Возможно, они более осведомлены о перспективах повышения уровня национальной и общественной безопасности, мерах, которые будут предприняты в ближайшее время; но вполне возможен и эффект «розовых очков», через которые сотрудники заинтересованных ведомств наблюдают за развитием ситуации в стране и мире.

В ходе исследования экспертам было предложено оценить состояние национальной безопасности по отдельным направлениям, связанным с противодействием тем или иным конкретным вызовам и угрозам. Как показали результаты опроса, относительно благополучной эксперты признали ситуацию лишь в нескольких сферах — в области энергетической, военной, а также государственной безопасности (защита конституционного строя, политическая стабильность и т. п.). Следует, однако, отметить, что благополучие в этих сферах носит довольно условный характер, поскольку энергетические запасы имеют тенденцию к истощению, военная безопасность связана скорее с низкой вероятностью масштабного военного противостояния, чем с высокой боеготовностью вооружённых сил страны, а говорить о политической стабильности, принимая во внимание напряжённость на Северном Кавказе, довольно трудно.

В других сферах ситуация, по мнению экспертов, далека от благополучия. Наибольшую озабоченность вызывают безопасность в сфере здравоохранения и здоровья нации, общественная безопасность, связанная с низкой защищённостью личности и общества от преступных посягательств, экологическая безопасность, а также угрозы, связанные с терроризмом, с низким уровнем качества жизни людей.

Взгляд на отдельные аспекты проблемы обеспечения национальной безопасности со стороны представителей государственных ведомств и общественности, включая научную, также сильно различаются. «Ведомственные» эксперты склонны сужать проблему национальной безопасности до компетенций государственных учреждений, которые они представляют. Естественно, в первую очередь это касается террористической угрозы и угрозы общественной

безопасности, непосредственно являющихся объектом деятельности правоохранительных органов страны. Ситуация в других сферах национальной безопасности их волнует намного меньше, так как не они отвечают за неё непосредственно. Что же касается остальной части сообщества, то самым критичным является взгляд экспертов-«общественников», считающих неблагоприятными все сферы национальной безопасности, за единственным исключением — энергетической безопасности.

Полученные результаты частично коррелируют (но и частично расходятся) с экспертными оценками соответствия внешней и внутренней политики российских властей тем вызовам, с которыми им приходится сталкиваться. В отношении внешнеполитической деятельности российского государства это соответствие в целом достигается с учётом тех возможностей, которыми располагает наша страна в настоящее время. Так, внешняя политика, проводимая российскими властями, получила позитивную оценку экспертов в той части, которая касается государственной безопасности (+0,9 по шкале от -3 до +3 — защита конституционного строя, политической стабильности, независимости и суверенитета), военной безопасности (+0,8 — защищённость от угроз, связанных с применением военной силы), энергетической безопасности (+0,7 — защищённость от угрозы дефицита энергоресурсов).

Значительно выше разброс экспертных оценок соответствия внутренней политики государства имеющимся вызовам. Умеренно позитивные или нейтральные оценки получила российская внутренняя политика по обеспечению всё той же энергетической безопасности (+0,5), политической стабильности (+0,4), предотвращения военной угрозы (0,0). Наиболее же негативно были оценены: борьба с террористической угрозой и преступностью, степень эффективности деятельности властей в отношении всего комплекса социальных проблем (здравоохранение, экология, культура, уровень и качество жизни граждан).

В исследовании специально анализировался круг проблем, требующих приоритетного внимания со стороны государства и его профильных ведомств. Как показал опрос, первостепенное значение в настоящее время приобретает проблема коррупции в российских органах власти и административных структурах. Эксперты оценили угрозу, исходящую от коррупции, в 6,1 баллов по 7-балльной шкале. Она, по мнению экспертов, приобрела такие масштабы, что подры-

вает национальную безопасность практически по всем направлениям, делая крайне неэффективными любые меры по предотвращению угроз в экономической, социальной и других сферах жизни общества. На верхних позициях этой своеобразной иерархии также находятся: высокая изношенность основных фондов в промышленности (отставание России от ведущих стран в сфере инноваций и модернизации экономики); сокращение численности населения страны; сохранение экспортно-сырьевой модели экономики; активизация террористической деятельности; социальное и экономическое расслоение населения; незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ; высокая зависимость важнейших сфер экономики от внешнеэкономической конъюнктуры; низкое качество образования; уничтожение лесов, сокращение и загрязнение водных ресурсов; втягивание России в долгосрочный конфликт на Кавказе; отток специалистов за рубеж; снижение уровня жизни населения. К этой группе проблем и угроз, в наибольшей степени беспокоящих экспертное сообщество и общество в целом, необходимо пристальное внимание государственных ведомств, разработка целевых программ по их разрешению и предотвращению.

В то же время опрос показал, что многие из угроз эксперты сочли мнимыми, далеко не самыми актуальными, и они расположились в нижней части списка с коэффициентами актуальности ниже отметки в 3,5 балла. Причём среди этих угроз есть те, которые ещё пятнадцать лет назад, в середине 90-х, всерьёз беспокоили общество, например угрозы насильственной смены государственного строя, гражданской войны, утраты Россией статуса мировой державы. Не очень сильно беспокоят экспертов и угроза распада страны, расширение НАТО на Восток, ухудшение отношений России с Западом, не говоря уже о заговорах типа «сионистского» или «масонского».

Эксперты-учёные определили свою пятёрку лидеров актуальных угроз: коррупция, демодернизация страны, высокая изношенность фондов в промышленности, зависимость России от внешнеэкономической конъюнктуры, низкое качество образования.

Эксперты-чиновники акцентировали внимание на терроризме, коррупции, незаконном обороте наркотиков, отставании в сфере инноваций и социальном расслоении.

Эксперты-«общественники» в фокус внимания ставят коррупцию, отставание в области инноваций, износ основных фондов, низкое качество образования, депопуляцию страны.

Значительное внимание в ходе исследования было уделено институциональным аспектам обеспечения национальной безопасности. В частности, респондентам было предложено оценить степень влияния на состояние и перспективы национальной безопасности различного рода военных, экономических и внешнеполитических союзов и организаций. Хотя оценка велась по 7-балльной шкале (от -3 до +3), полученные результаты сфокусировались в диапазоне от 0,2 до 2,0 средних значений, что говорит о том, что влияние большинства подобных союзов и организаций, по мнению опрошенных, носит весьма ограниченный характер, причём как в положительном, так и в отрицательном смысле. Среди тех субъектов международной политики, которые оказывают позитивное влияние, эксперты выделили такие, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС); Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС); ООН и её структуры; Содружество независимых государств (СНГ); Союзное государство России и Белоруссии. Также со знаком «плюс» оценивается роль Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Большой восьмёрки (G8), Большой двадцатки (G20), МАГАТЭ.

Высокие позиция ШОС свидетельствуют, что широкое евразийское сотрудничество в восприятии большинства экспертов теснит такие некогда приоритетные проекты, как СНГ или Российско-белорусский союз.

Что же касается организаций, представляющих угрозу для национальной безопасности России, то их число невелико. Это международные террористические организации наподобие «Аль-Каиды»; НАТО; закрытые элитарные сообщества типа «Бильдербергского клуба», а также некоторые международные экономические организации (ВТО, МВФ). В целом, если исключить одиозную «Аль-Каиду», эксперты не видят серьёзной опасности, исходящей от разного рода союзов и объединений. Даже такой традиционный «враг № 1» в массовом сознании, как НАТО, сегодня представляется экспертам в более спокойном свете, если и вызывая опасения, то скорее по инерции.

Также весьма сдержанны эксперты в оценках деятельности институтов и структур, занятых обеспечением национальной безопасности внутри страны. Достаточно высоко оценена экспертами деятельность таких специализированных и во многом закрытых структур, как Служба внешней разведки (СВР), Главное разведывательное управление (ГРУ) Генштаба Минобороны РФ, МЧС России, а также

политического руководства страны в лице Президента РФ и Министерства иностранных дел РФ. Хотелось бы отметить, что данное исследование проводилось до громких «шпионских» скандалов. Положительные (но ближе к средним значениям) оценки получили Федеральная служба безопасности РФ, Совет безопасности РФ, Национальный антитеррористический комитет, Министерство обороны РФ, Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков. И напротив, отрицательные оценки были поставлены экспертами работе Совета Федерации РФ, Государственной Думы РФ и Министерства внутренних дел РФ. Именно последнее, по оценкам опрошенных, является сегодня самым слабым звеном в составе структур исполнительной власти страны, наиболее коррумпированным и неэффективным. Возможно, начавшаяся радикальная реформа данного ведомства сможет изменить ситуацию к лучшему.

Среди групп опрошенных экспертов, как обычно, выделяются из общего ряда мнений экспертов-практиков мнения сотрудников государственных ведомств. Именно эта группа экспертов поставила весьма высокие оценки работе Президента РФ (1,9), ФСБ РФ (1,7), СВР (1,7), ГРУ Генштаба МО РФ (1,5), МИД РФ (1,4), Совета безопасности РФ (1,3). Гораздо более критично на работу тех же органов власти смотрят эксперты-учёные и эксперты-«общественники». Так, деятельность Президента РФ эти группы оценили соответственно в 0,8 и 0,5 балла, деятельность ФСБ РФ — в 0,5 и 0,4 балла, СВР — в 0,9 и 1,0 балла, ГРУ — в 0,9 и 0,8 балла, МИД РФ — в 0,7 и 0,8 балла, Совет безопасности РФ — в 0,2 и даже -0,3 балла.

Учитывая тот факт, что обеспечение национальной безопасности отнюдь не сводится лишь к «силовой составляющей» и дипломатической деятельности, в ходе опроса респондентам был задан вопрос о степени влияния институтов гражданского общества и общественного мнения на обеспечение национальной безопасности России. Выяснилось, что это влияние есть и оно скорее позитивное, однако весьма ограниченное. Эксперты, представляющие общественные институты, склонны несколько выше остальных оценивать их позитивную роль в обеспечении национальной безопасности. Тем не менее очевидно, что ресурс влияния гражданского общества мог бы быть гораздо выше, чем это имеет место в настоящее время.

МУРАВЬЁВ Юрий Алексеевич,

*доктор философских наук, профессор
кафедры социологии и гуманитарных
дисциплин, Российская академия
предпринимательства;*

ШИРЯЕВ Вячеслав Петрович,
*кандидат социологических наук,
докторант кафедры социологии
и гуманитарных дисциплин, Российская
академия предпринимательства*
ymuraviov@mail.ru

Недисциплинированная междисциплинарность: о проблемах междисциплинарных исследований / Rebellious interdisciplinarity: about the issue of interdisciplinary research

Аннотация

В статье рассмотрена проблема междисциплинарности в связи с попыткой осмыслить дисциплинарные рамки междисциплинарных исследований. В этом и состоит смысл основной задачи — дисциплинировать междисциплинарность. Решение этой задачи связывается с построением категориальной сетки концепции междисциплинарности. Элементы этой сетки — мультидисциплинарность, кроссдисциплинарность, трансдисциплинарность — и другие понятия образуют поле междисциплинарности, которое обозначает параметры постмодернистского пространства.

Ключевые слова

Научная дисциплина; междисциплинарность; дисциплинарный статус; трансдисциплинарность; мультидисциплинарность; кросс-

дисциплинарность; постмодернизм; коммуникативное пространство; Интернет; Сеть; сетевые отношения.

Annotation

In this article the problem of interdisciplinarity in connection with attempt to comprehend disciplinary frameworks of interdisciplinary researches is considered. The primary goal is to discipline the interdisciplinarity. The decision of this problem appears to be the construction of categorical set of the interdisciplinarity. Elements of this grid are multidisciplinary, crossdisciplinarity, transdisciplinarity and other concepts which form a field of the interdisciplinarity and designate parameters of postmodernist space.

Keywords

Scientific discipline; interdisciplinarity; the disciplinary status; transdisciplinarity; multidisciplinary; crossdisciplinarity; postmodern; communicative space; Internet; Network; network relations.

При подходе к проблеме культурной безопасности обнаруживается множество чисто методологических проблем, особенно тогда, когда исследование культурной безопасности осуществляется социологическими средствами и в дисциплинарных границах социологии. Вопрос о междисциплинарных рамках ныне возникает при исследовании чуть ли не *всех* проблем, особенно когда речь идёт об исследованиях такого объекта *предельной сложности*, как культурная безопасность.

Сама история проблемы междисциплинарности сразу же выявляет свою собственную междисциплинарную природу: одна группа дисциплин, в которой рассуждают о междисциплинарности, призвана дать ответы на всю серию вопросов о дисциплинарной структуре науки (что можно сделать, лишь ориентируясь на историю и социологию науки, а также на наукометрию); другая группа дисциплин ставит вопросы о пограничных проблемах науки и тем самым о порождающих механизмах научного познания; наконец, третья группа дисциплин подбирается к проблеме статуса научного познания и, следовательно, черпает вдохновение и ловит познавательные стимулы из источника философии науки или (что то же самое) пытается обновить всё *методологическое* поле научного познания.

Все эти поиски в области междисциплинарности — порождения недавнего прошлого, и немудрено, что новые стимулы исследования обозначенной проблемы обычно связывают с появлением постмодернистской исследовательской парадигмы. А это само по себе наводит на размышления о новых горизонтах ориентации в научном и околонучном пространстве.

Чем дальше мы будем погружаться в поиски новых аспектов междисциплинарности, тем более запутанной будет выглядеть сама проблематика — до тех пор, однако, пока не наметится выход в ту сферу, где первичным и абсолютным исследовательским требованием станет строгий понятийный анализ, то есть наметится реальный выход в сферу эпистемологии науки.

Именно такими соображениями были пронизаны все попытки осмыслить междисциплинарность в теоретическом и практическом планах — попытки, которые принадлежали самому последнему времени¹. Не составляет труда, однако, для тех, кто так или иначе следил за новейшими преобразованиями в лоне методологии научного познания, выделить два главных этапа в осмыслении научной эволюции вообще и становлении междисциплинарности, в частности. Рубеж, отделивший два этапа, — 80-е гг. прошлого столетия, когда на Западе сложился особого рода культурный дискурс, который теперь с большим основанием принято называть постмодернизмом. До и после постмодернизма — таково, по сути, основание интеллектуальной периодизации проблематики междисциплинарности. И в самом деле, само существование постмодернизма сделало вопрос

¹ Нас в данном случае не может интересовать глубинный исторический аспект — история возникновения категории междисциплинарности в связи со становлением вообще дисциплинарной структуры научного познания. Можно лишь вместе с Джулией Т. Клайн отметить, что «...корни этого понятия связаны с множеством идей, которые резонируют в различных дискурсах современности — с идеями единой науки, обобщённого знания, познавательного синтеза и интегрального познания...»

Klein J. Th. Resources for interdisciplinary studies. *Change*, 2006. Mart/April. P. 52. См. также: Klein, J. Th. *Crossing Boundaries: Knowledge, Disciplinarity, and Interdisciplinarity*. University Press of Virginia, 1996. Основательные обобщения в этой области легко найти в хорошо известных у нас работах В. С. Стёпина (см., напр.: Стёпин В. С. *Теоретическое знание*. М., 2000. С. 619–636).

о междисциплинарности насущным вопросом научных дискуссий о статусе научного знания¹. «Избывание постмодернизма» породило недоверие к новациям, но не убило понимания того, что провозглашённое поверженным кумиром постмодернизма П. Фейерабендом торжество «пролиферации» должно быть введено в какие-то *дисциплинарные* рамки, так сказать, **дисциплинировать междисциплинарность**, рассмотрению чего и посвящена настоящая статья.

Первым шагом в попытке разобраться в самом понятии междисциплинарности, без чего, как представляется, любые дальнейшие

¹ Разве можно было бы ещё недавно представить, чтобы обзорная статья по поводу частного культурного феномена — комментария — открывалась таким, например, программным заявлением трёх авторов обзора: «Уходящая, избываемая, если не сказать — насильственно вытесняемая — сегодня, постмодерная, интеллектуалистская проблематика конца XX века появилась в России в середине 1980-х, в период вбрасывания в отечественное культурное пространство текстов, репрезентирующих разнородные и разрозненные части западного интеллектуального архипелага. Формы их усвоения, породившие своеобразную, во многом случайную содержательную констелляцию, и определили облик того, что сейчас называют “русским постмодернизмом”. Сложившись на два десятилетия раньше, западный ландшафт интеллектуальных течений, традиционно связываемых с ситуацией постмодерна, оказался последней зоной порождения новых смыслов. Соприкоснувшись с этим продуктивным процессом лишь фрагментарно, отечественная культура тем не менее разделила судьбу постмодернистского проекта, ставшую парадоксальным ответом его первоначальной интенции — самодеконструкции метафизической традиции. В ситуации радикального недоверия к инновациям возникает естественный импульс к выстраиванию новых форм интерпретирующего высказывания, в том числе и путём переосмысления всего исторического богатства его жанров, сложившихся в разных культурах и традициях разных эпох». (Воробьёва Е., Иванова Ю., Лещенко П. Международная конференция «Комментарий в культуре»: история и современность. М., ИГИТИ ГУ-ВШЭ, 11–12 апреля 2006 года // Новое литературное обозрение. — 2006. — № 80.) Ведь «выстраивание новых форм» интерпретации неотделимо от «переосмысления всего исторического богатства» жанров интерпретации и, значит, от обращения к материалу разных дисциплин. Спрашивается, на основании каких принципов «после постмодернизма» — как мы здесь не без удивления узнаём, «насильственно вытесняемого» (!) — осуществима эта междисциплинарность?

шаги обречены на пресловутые блуждания, на языке Фейерабенда называемые методом проб и ошибок, — первым шагом должно быть определение *понятийного пространства*, которое нацелено на построение соответствующих категориальных сетей. Первым ориентиром в соответствующем пространстве должен по справедливости стать теоретико-научный ориентир или, проще говоря, рассмотрение междисциплинарности с точки зрения теории современного научного познания или — что то же — с позиций современной философии науки¹. И первые понятия теории науки, с которыми соотносится междисциплинарность, — это понятия *мультидисциплинарность*, *плюридисциплинарность*, *полидисциплинарность*, *интердисциплинарность*², *интрадисциплинарность*, *кроссдисциплинарность*, *супердисциплинарность*, *трансдисциплинарность* и некоторые другие, аналогичным образом маркируемые. Все они так или иначе, в большей или меньшей степени представлены в современных западных работах по философии науки, и нас в данном случае не должно заботить то, что нередко в самих этих работах различия представлены неотчётливо³.

¹ Мы в данном случае оставляем в стороне такие попытки различить эти области дисциплинарного знания, которые исходят из различения философии и общей теории науки, обратив лишь внимание на то, что до сих пор все такие попытки оставались крайне неубедительными в силу своей искусственности. Подобные предприятия закончились ничем и в других сходных областях познания, например, попытки различить философию права и общую теорию права.

² Строго говоря, только данное понятие в соответствующем ряду оказывается депроблематизированным, поскольку понятие *междисциплинарность* представляет собой лишь точный перевод термина *интердисциплинарность*, и потому единственный вопрос, который в отношении этих терминов предстоит решить, — это вопрос о том, какой из них предпочесть, чтобы не отступать от принципа развитой науки, согласно которому «одно и то же явление должно обозначаться одним и только одним термином».

³ Такая неотчётливость оказалась способна буквально сбить с толку и отечественных специалистов, обративших внимание на проблему междисциплинарности. «Междисциплинарность в современной философии науки, — пишет, например, видная исследовательница практических аспектов междисциплинарности, да и междисциплинарности вообще (см. её работу «Порядок и хаос в развитии социальных систем». СПб., 1999.) В. В. Василькова, —

Наиболее точно это отношение к междисциплинарности и состояние разработки соответствующих проблем в первую очередь в западной философии науки у нас отразила статья Г. Л. Тульчинского «Междисциплинарность» в «Проективном философском словаре», где автор писал: «Междисциплинарность в науке — дело степени. Следует помнить об ограниченных возможностях каждого уровня рассмотрения. Невозможно говорить обо всём сразу. Междисциплинарный подход не есть «пицца-метод». Максима «anything goes» хороша только в ситуации выбора, но после конкретного выбора мы уже должны придерживаться избранного пути. Можно говорить о шкале междисциплинарности. На одном полюсе этой шкалы — в той или иной степени интегрированная мозаика дисциплинарно точных описаний и объяснений. Связи между ними (интегративная схема) могут быть вырожденными или всё более и более выходить на первый план, доходя до очерчивания собственных границ и формирования пограничных проблем и теорий. И наконец, другой полюс — некий новый синтез, новые фундаментальные метафоры и, таким

понимается как система взаимодействий. Речь идёт о разных уровнях взаимодействия — от простого обмена идеями до взаимной интеграции концепций, методологий, исследовательских процедур, терминологических дискурсов» (Василькова В. В. Междисциплинарность как когнитивная практика (на примере становления коммуникативной теории) // Коммуникация и образование. Сб. ст. / Под ред. С. И. Дудника. СПб. : Санкт-Петербургское филос. общ-во, 2004. С. 69). Не будем придирается к неряшливой фразе о междисциплинарности как «системе взаимодействий» (как известно, в качестве системы взаимодействий может выступать *всё что угодно*), но само перечисление «уровней взаимодействия» прямо отражает соответствующее хаотическое и по меньшей мере *несистемное* понимание междисциплинарности в западной философии науки. (Ярче всего об этом свидетельствуют, в частности, ценные в ряде других отношений материалы постоянно действующего — с апреля 2003 года — семинара по междисциплинарности «Переосмысливая междисциплинарность» под руководством Кристофа Хайнца и Глории Ориджи — Rethinking Interdisciplinarity. Emergent Issues by Christophe Heintz, Gloria Origgi — www.interdisciplines.org.) Не упрёк, а отчётливое осознание трудности задач и насущности их решения — вот что стоит за вышеприведёнными констатациями, тем более необходимыми, что они предвзвешивают попытки сделать реальные шаги в обозначенном направлении.

образом, возникновение и развитие новой научной дисциплины»¹. Невозможно отрицать в то же время и такое явление, которое возводит междисциплинарность к необходимости использовать в практике исследований методы, разработанные в рамках одних дисциплин для работы с данными других дисциплин. Такая методологическая междисциплинарность явным образом и в первую очередь бросается в глаза, когда говорят об особенностях современной науки в сопоставлении с наукой прошлого, независимо от того, как далеко вглубь простирается граница этого прошлого. Так или иначе, *методологизм* междисциплинарности — черта, которая позволяет подвести общий знаменатель под применение за пределами применимости таких методологических «новаций», как системная, системно-структурная, комплексная, информационно-комплексная, синергетическая методология, чья заранее запланированная методологическая неопределённость фиксируется характеристикой данных методологических новаций как соответствующих «подходов»².

Естественный исследовательский ход, которым мы надеемся воспользоваться для последовательного рассмотрения приёмов осмысления междисциплинарности, — это как раз та совокупность акций, которая при всей широте постмодернистской парадигмы и оказывается недоступной для связываемых с соответствующей методологией эпистемических ориентаций. Познавательная кумуляция и углубление познания в предмет — всё это для постпозитивистской ориентации под запретом³. Мы же сознательно полагаем в основание исследования субъективную телеологию (полагание целей субъектом), которая связывается с уровнем субъект-объектных от-

¹ Тульчинский Г. Л. Междисциплинарность // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. СПб. : Алетейя, 2003. С. 213.

² Хотя такие понятия, как «подход», «поворот», «вариатив» явочным порядком претендуют на получение прав гражданства в рамках философии науки, в целом ни для кого не секрет, что чаще всего роль их обоснования берут на себя феноменологические и герменевтические методологически ориентированные построения.

³ Здесь уместно было бы обратить внимание на существенную связь проблем междисциплинарности при изучении общества с широко обсуждаемыми в литературе проблемами межкультурных коммуникаций (см. список литературы).

ношений тем, что намеревается осуществлять *систематическое продвижение от явления к сущности*, от феноменологического уровня познания к уровню эссенциальному. И хотя работа с понятиями на, так сказать, описательно-перечислительном уровне не противоречит такому переходу, будучи первоначальным познавательным шагом, тем не менее представляется гораздо более весомой попытка сразу приняться за работу по прояснению *семантических коннотаций* всего материала, уже обозначенного как реперы *понятийного пространства*, которое нацелено на построение названных категориальных сетей. Семантические оттенки перечисленных выше словообразований, связанных с междисциплинарностью, с самых абстрактных лингво-семантических позиций различаются оттенками соответствующих греко-латинских словообразовательных элементов. Так, нельзя не отметить принципиальное сходство словообразовательных элементов, связанных со значениями, маркирующими множественность. Таковы элементы словообразовательных построений типа *мульти-*, *плюри-*, *поли-* и пр.

При содержательной трактовке множественной дисциплинарности легко предположить, что соответствующие понятия на том или ином уровне глубины приобретут черты, которые могут стать основой разграничительного толкования всех соответствующих понятийных единиц. Так, можно предположить, что все эти «приставочные образования» можно с известной (заранее оговариваемой) долей условности использовать для обозначения *меры соприкосновения* или *частичного совпадения* контентного материала этих дисциплин. Две или более дисциплин могут граничить друг с другом, допускать известное поглощение другой/других дисциплин или совпадение по содержанию. Однако наш уровень семантического толкования соответствующих понятий не требует столь тонких различений.

Сравнительно легко решается также вопрос о значениях понятий *интрадисциплинарность* (означающем нахождение *внутри* определённых дисциплинарных рамок) и *супердисциплинарность* (означающем выход *за пределы* или нахождение *выше* и *вовне* данных дисциплинарных рамок). Для нас в данном случае важнее различение всех этих понятий *вместе взятых*, с одной стороны, и понятия *интердисциплинарность* (*междисциплинарность*), с другой. Если в первом случае оттенки значений остаются малозначимыми, то во втором перед нами возникает собственно содержательная проблема междисциплинарности во всей её величине — здесь она перестаёт быть

чисто семантической и становится теоретической проблемой. Соответственно, понятия *кроссдисциплинарность* и *трансдисциплинарность* занимают свои концептуальные ниши в обсуждении теоретических проблем междисциплинарности. Недаром каждое из этих понятий приобретает особый смысл и становится поэтому предметом острой полемики в современной теории и методологии науки. И именно потому нельзя и здесь обойти соответствующие споры: ведь нерешённые в общей форме вопросы становятся своего рода неизбывным «проклятием» для всех последующих рассуждений.

Естественным было озаботиться прежде всего разработкой определённых инструментов для изучения и продвижения междисциплинарных исследований. Тем самым должно быть создано виртуальное пространство, в котором могут встретиться исследователи различных областей и дисциплин. Так в наши дни осуществляются свободные дискуссии, которые обычно остаются ограниченными либо пределами научных подразделений (отделов), либо дисциплинарными рамками (рамками определённой научной дисциплины). Осознание этого и вызвало к жизни живое ощущение того, что именно *Сеть* с её «социальным лицом» является соответствующей окружающей средой, дающей возможность понять, как растут междисциплинарные проекты, как эти проекты взаимодействуют, как они обретают значимость и воздействуют на господствующие исследовательские течения — научный *мейнстрим*. И это потому, в частности, что взаимодействия в Сети оставляют следы, которые поддаются анализу с целью понять исследовательские интересы и поведение. Благодаря обнаружению этого и стало понятным для большинства исследователей, по разным поводам вступавшим в острые столкновения, что некоторые *главные темы пронизывают* большую часть дискуссий. Столь же естественным стало сведение главных линий споров к проблеме определения междисциплинарности. Если линии семантических споров имели в виду уже затронутые нами расхождения, то чисто теоретические споры наталкивались на необходимость различать три кластера понятий междисциплинарности. Это понятия *мультидисциплинарность*, *междисциплинарность* и *трансдисциплинарность*. Возможно, самым спорным было понятие *трансдисциплинарность*, которое определяли по-разному все участники международных дискуссий. Хельга Новотны (Nowotny) связывает его вообще с нарушением дисциплинарных границ; Басараб Николеску (Nicolescu) и Эдгар Морен (Morin) приписывают понятию

трансдисциплинарность более определённое значение, связывая его с наиболее разносторонней структурой, которая просто превышает узкие рамки дисциплинарного исследования. Наиболее основательно к проблеме подошла Джулия Клайн (Klein), которая прослеживает историю этого понятия в сообщении «Переход к трансдисциплинарности»¹. Здесь и возникает наиболее существенный вопрос: эти различия зависят исключительно от мыслительных традиций, интерес к которым носит в большей мере исторический, чем сущностный характер, или они действительно определяют альтернативные подходы к проблеме? При ответе выяснилось, что начинать следовало с освещения истории понятия *дисциплина*, которое известный эпистемолог Ян Хакинг (Hacking) рассматривает в его положительных и отрицательных значениях, в то время как Фаллер (Fuller) описывает социополитическую роль этого понятия в структурировании исследовательских учреждений — *институтов*.

На этой основе и удалось доказательно утверждать, что большинство междисциплинарных исследований, по крайней мере за прошлые 150 лет, было выполнено в контекстах *прикладных исследований*². Цели и объекты наиболее значимых инновационных научно-исследовательских работ в рамках этого периода должны были вытекать из согласования большого количества мнений различных заинтересованных сторон. Это и схватывается в первую очередь понятием междисциплинарности. Но это же и означает, что языковые игры в науке — слишком узкое поле для того, чтобы объяснить сложную несогласованность социальных отношений, и что весьма различные акторы этого поля — частные инвесторы, государства или местные общины — беря на себя ответственность за внедрение технологических новшеств в наше общество, оперируют без особенно-го разбора категориями различных познавательных, технических, инструментальных и теоретических дисциплин.

В рассматриваемых дискуссиях обращалось внимание на напряжённость отношений между потребностью в автономных научных стандартах и вовлечённостью науки в удовлетворение общих, общественных потребностей — эта тема рассматривалась с самых разных точек зрения. В самом деле, как наука может быть «демократически»

¹ См.: *The Transition to Transdisciplinarity*. <http://www.interdisciplines.org/interdisciplinarity/papers/5/7>.

² См. работы: Доминик Пестр (Pestre); Хельга Новотны (Nowotny).

оценена обыкновенными гражданами? Можем ли мы отыскать независимые критерии ответственности и проверки качества при «погружении» науки в глобальное функционирование демократического общества?

При рассмотрении прикладных исследований Фаллер подчеркнул существование препятствий для реализации междисциплинарных методик из-за кратких сроков и очень специфических локальных целей таких исследований, что продиктовано непосредственно социальными потребностями. Новотны (Nowotny), напротив, утверждала, что участие обычных граждан в оценке и даже в ходе исследования может вести к плодотворным — инновативным — результатам.

Как указывает Дэн Спербер в своём комментарии «Сохранение и равновесие»¹, некоторые междисциплинарные труды приводят к постановке сложных — иногда радикальных — вопросов в одной или нескольких из привлечённых дисциплин. Но именно так в науке появляется любая инновация. Каково же тогда отношение между междисциплинарностью и инновацией? Разве не любая инновационная программа в науке тем самым неизбежна и междисциплинарна? Действительно ли инновативность — фундаментальный критерий понимания и оценки междисциплинарного исследования? Инновационный аспект междисциплинарного исследования делает очевидным его недолговечный характер, так как успешное междисциплинарное исследование может вести к конституированию особой — его собственной — дисциплины. Напомним, что вся такого рода исследовательская активность традиционно и скопом относилась к разряду так называемых «исследований на стыке наук». Некоторое время назад лишь ленивый не говорил о том, что наиболее ценные результаты современной науки «рождаются на стыке наук», не очень понимая, что означает этот самый «стык» — в результате соединение в науке чего угодно с чем угодно называлось исследованием «пограничных проблем науки» и на этом основании претендовало на особое внимание со стороны методологов научного познания. Главное достижение при этом имело своеобразное «негативно-положительное» следствие: исследование «пограничных проблем науки» осталось далеко за гранью науки и не дало никаких ощутимых результатов. А причина всё та же — отсутствие рефлексивно разработанных концептов для понимания междисциплинарности, которые

¹ См. : [Reservations about 'consistency' and 'balance'](http://www.interdisciplines.org/interdisciplinarity/papers/6/3) <http://www.interdisciplines.org/interdisciplinarity/papers/6/3>

необходимы ещё до того, как поставлен вопрос о научном и социальном статусе тех или иных исследований¹. Однако все эти и соответствующие «статусные» исследования обычно — и по справедливости — мало заботят исследователей-прикладников; тем не менее на некоторые действительно возникающие трудные проблемы, в форме которых вся эта концептуальная путаница попадает в сознание учёного — достойного представителя конкретных наук, можно сразу же указать. Стоит лишь поставить вопрос о междисциплинарности на конкретную почву. В самом деле, где, когда, при каких обстоятельствах учёный практически сталкивается с необходимостью *осмысливать материал междисциплинарно?*

В первую очередь там и тогда, когда он принуждён излагать материал чуждой дисциплины на языке своей науки. Ведь каждая дисциплина создаёт свою собственную терминологию или, как минимум, пользуется собственным «жаргоном». Междисциплинарность же последовательно требует совмещения и взаимоприспособления различных языков. Коммуникативность — взаимная соотносительность результатов междисциплинарного исследования и монодисциплинарных единиц — может создавать трудности, так как требует использования технических терминов, заимствованных из одной дисциплины, но непонятных для специалистов, представляющих другие необходимые для данного исследования дисциплины.

То же можно сказать и по отношению к используемым в исследовании методам. Это хорошо показано в уже цитированном обзоре Кристофа Хайнца и Глории Ориджи (*Rethinking Interdisciplinarity...*) на примере, заимствованном из книги Билла Бензона (Benzon) «География мысли». Бензон специально рассматривает методические недоразумения, «нестыковки» и противоречия, возникающие, в частности, в отношениях между антропологами и психологами² при

¹ Вопрос о научном, эпистемологическом и социальном статусе научного познания был в своё время поставлен в ряде работ. См., например: Муравьёв Ю. А. Истинность, достоверность, надёжность социологической информации и гносеологический статус показателей развития культуры // Социология культуры. Проблема социальных показателей развития культуры / Труды НИИ культуры. Вып. 108. М., 1982; *Он же*. Истина. Культура. Идеал. М., 1995, и др.

² См.: *The Geography of Thought* <http://www.interdisciplines.org/interdisciplinarity/papers/1/23>.

попытках истолковать кросскультурные различия Запада и Востока. Но ведь и организационно-институциональные ограничения могут быть препятствиями для междисциплинарной коммуникации: не только нации и культуры могут проявлять ригидность в отношении собственной идентичности, но и просто представители разных дисциплин в рамках социального института.

Дополнением этому, как водится, становятся познавательные ограничения, поскольку стать экспертом в двух или большем количестве специальных дисциплин — задача не из лёгких. Тем не менее и общая эрудиция, и компетентность, глубокое знание различных дисциплин необходимы для осуществления полноценного междисциплинарного исследования. Именно эта зависимость от индивидуального таланта делает столь гадательными вопросы: а можно ли вообще развить междисциплинарную методологию и насколько эти трудности зависят от институционализации междисциплинарных программ обучения?

Отсюда и следующий круг междисциплинарных проблем. Если талант и система воспитания специалистов не безотносительны к возможностям охвата целых областей познания, то как возможна экспертная оценка результатов междисциплинарного исследования? Ведь сама исследовательская новизна результатов предполагает отсутствие специалистов с аналогичным охватом всего материала. Понятие специалиста равного уровня предполагает допущение, что вас оценивает кто-то, кто работает над подобной темой. Но что если специалисты равного уровня в этом смысле не существуют? Должны ли оценивающие обратиться к критериям второго порядка — скажем, к индексу цитирования в журналах более высокого уровня, раз уж никто не может компетентно судить о содержании исследования на данном уровне? Есть ли процедуры синтезирования компетентности специалистами равного уровня, которые могли бы справиться с проблемой? Что за нормы, которые управляют сложной социальной формой запросов современной науки? Обязательно ли они выступают как внепознавательные (non-epistemic), как об этом говорит Стив Фаллер (Fuller) в своём сообщении: « И всё-таки на доверии» (More on Trust <http://www.interdisciplines.org/interdisciplinarity/papers/6/6/6>)? Возможна ли тогда, в самом деле, подлинная междисциплинарная эпистемология?

Раз уж обсуждение междисциплинарных сюжетов подошло к постановке таких вопросов, то особенно значимым неизбежно оказы-

вается личный опыт проведения междисциплинарных исследований, который можно было бы подвести под рубрику, так сказать, «практической эпистемологии», под которой понимается, на самом деле, вовсе не соответствующая философская субдисциплина, а просто автобиографические размышления, попытки обобщить собственный опыт в соответствующем социальном контексте. Такой подход, однако, как это следует из выступлений Гарднера (Gardner) и Буа-Мансии (Voix-Mansilla), Джулии Клайн и Грита Лаудела (Laudel), таит в себе опасность неправомерных обобщений при отсутствии соответствующих критериев. А это ставит ещё один остросовременный вопрос — вопрос о содержании междисциплинарности в современном информационном обществе, в котором само существование Интернета меняет междисциплинарное пространство.

Интернет вводит так называемые «программно выстраиваемые» («*soft-assembled*») онлайн-исследования через списки, форумы и веб-сайты, такие как interdisciplines.org, которые снижают стоимость организации междисциплинарного исследования и сглаживают трудности «внедрения» этих сетей или групп исследования в уже сформированные устойчивые структуры. Мы пока не знаем, каково воздействие этих новых методов на качество исследования. Введение поискового инструментария может также привести к изменениям в дисциплинарной структуре науки. Действительно, поиск по ключевым словам позволяет использовать новую кластеризацию документов по соответствующим критериям — типа возникновения данного ключевого слова в документах и его веса на оценочной шкале со стороны агентов Сети — кластеризацию, игнорирующую традиционные дисциплинарные структуры. Ключевые слова, таким образом, создают общую интеллектуальную арену, на которой объединение, комбинация, выбор и рекомбинация идей становятся общепонятными, но при этом ломаются, нарушаются стандартные дисциплинарные границы. Ещё предстоит оценить последствия универсального использования поисковых систем для организации исследования, ответив на вопрос: не является ли это использование поисковых систем началом принципиально нового метода классификации областей знания?

Словом, вопросов, связанных с неизбежным, по-видимому, переходом к междисциплинарности в практически ориентированных и прикладных исследованиях, гораздо больше, чем ответов. Но пока

особо важно само обозначение поискового пространства, поля поисков, первым шагом к которому, бесспорно, является понятийный анализ самой междисциплинарности в безбрежном социальном поле.

Библиография

1. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999.
2. Василькова В. В. Междисциплинарность как когнитивная практика (на примере становления коммуникативной теории) // Коммуникация и образование. Сб. ст. / Под ред. С. И. Дудника. СПб. : Санкт-Петербургское филос. общ-во, 2004.
3. Воробьёва Е., Иванова Ю., Лещенко П. Международная конференция «Комментарий в культуре»: история и современность. М., ИГИТИ ГУ-ВШЭ, 11–12 апреля 2006 года // Новое литературное обозрение. — 2006. — № 80.
4. Князева Е. Н. Одиссея научного разума: Синергетическое видение научного прогресса. М., 1995.
5. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизация сложных систем. М., 1994.
6. Коммуникация и образование. Сб. ст. / Под ред. С. И. Дудника. СПб. : Санкт-Петербургское филос. общ-во, 2004.
7. Маркова О. Ю. Междисциплинарность как методологический принцип философии образования // Образование и гражданское общество (материалы заседания «круглого стола» 15 ноября 2002 г.). Вып. 1 / Под ред. Ю. Н. Солонина. СПб. : Санкт-Петербургское филос. общ-во, 2002. С. 24–27.
8. Москалёв И. Е. Сетевые структуры дисциплинарного знания // Сеть и биополитика как метафоры междисциплинарной философии. М. : Академия менеджмента инноваций, 2003. С. 118–133.
9. Муравьёв Ю. А. Истина. Культура. Идеал. М., 1995.
10. Муравьёв Ю. А. Истинность, достоверность, надёжность социологической информации и гносеологический статус показателей развития культуры // Социология культуры. Проблема социальных показателей развития культуры / Труды НИИ культуры. Вып. 108. М., 1982.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.
12. Стёпин В. С. Теоретическое знание. М., 2000.
13. Синергетика и образование. М. : Гнозис, 1997.
14. Синергетическая парадигма. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

15. Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М. : Прогресс-Традиция, 2007.

16. Тульчинский Г. Л. Междисциплинарность // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна). СПб., 2003.

17. Klein, J. Th. Crossing Boundaries: Knowledge, Disciplinarity, and Interdisciplinarity. University Press of Virginia, 1996.

18. Klein J. Th. Resources for interdisciplinary studies // Change, 2006. Mart/April.

19. The Geography of Thought <http://www.interdisciplines.org/interdisciplinarity/papers/1/23>

20. The Transition to Transdisciplinarity. <http://www.interdisciplines.org/interdisciplinarity/papers/5/7>

21. Reservations about 'consistency' and 'balance' <http://www.interdisciplines.org/interdisciplinarity/papers/6/3>

*ВДОВИЧЕНКО Лариса Николаевна,
доктор социологических наук,
профессор кафедры
политической социологии,
Российский государственный
гуманитарный университет
vdlarissa45@yandex.ru*

Образ будущего России в общественном мнении / Image of Russian future in a public opinion

Аннотация

Статья посвящена проблеме становления желаемого образа будущего России в общественном мнении. До 1991 года такой образ формировался на основе идеологии марксизма-ленинизма и положений научного коммунизма. Но распад Советского Союза и крушение советской власти привело к уничтожению государственной идеологии, одной из функций которой являлось формирование представлений людей о будущем страны. В 2011 году исполнится уже 20 лет существования новой России. Сформировался ли за два десятилетия у россиян желаемый образ страны? Произошли ли какие-то изменения в общественном мнении по этой проблеме, и в чём они состоят? Все эти вопросы чрезвычайно интересны и важны для понимания духовной жизни нашего общества. Ведь то будущее, которое станет реальностью для России в ближайшие десятилетия, во многом зависит от того, каким его хотят видеть люди в настоящем.

Ключевые слова

Образ будущего; общественное мнение; политическая система; экономическая система; социальная система.

Annotation

The article is devoted to the problem of ideal image of Russian future in a public opinion. Before 1991 the formation of such an image was based on the Marxist-Leninist ideology and the principles of the scientific communism. But the collapse of the Soviet Union and the clash of the soviet power provoked the abolition of the State ideology which formed people's notions about the future of their country. In 2011 the new Russia will be twenty. Haven't the Russians formed their image of Russian future during twenty years? Which changes have happened in a public opinion on this subject? All these questions are extremely interesting and important for understanding of the spiritual life of our society because Russian future in the next decades mostly depends on its ideal image today.

Keywords

Image of future; public opinion; political system; economic system; social system.

Желаемый образ будущего как форма осознания и представления идеалов является одним из самых древних и до сих пор весьма актуальных феноменов.

Во-первых, он позволяет человеку осознать свои идеалы и представить будущее в виде желаемого образа. Во-вторых, формирование желаемого образа позволяет провести различие между тем, что есть, и тем, что желательно достичь. В результате возникает вопрос: «Как из того, что есть, перейти к тому, что желательно?» То есть формирование идеального образа будущего может послужить основой стратегического планирования.

До 1991 года можно было зафиксировать два уровня формирования идеального образа будущего. На первом уровне, считавшемся тогда главным, он формировался на основе марксистско-ленинской идеологии в виде представлений об идеальном обществе — коммунизме. Поэтому отдалённой, но стратегической целью считалось построение коммунизма как переход от существовавшего тогда общества к идеальному варианту. Причём самым общим представлением о коммунизме было то, что это должно быть общество, где будут удовлетворяться все потребности человека, то есть осуществляться все его мечты. Конечно, при более детальной проработке образа коммунизма потребности людей, достойные удовлет-

ворения, ограничивались до тех, которые разумны и не наносят вреда окружающим людям и среде. Научное представление о коммунизме как «идеальном будущем для человечества» рассматривалось своеобразным критерием для оценки потребностей.

На втором, более низком уровне формулировались индивидуальные представления об идеальном образе будущего конкретного человека. Например, стать капитаном дальнего плавания, полететь в космос и т. д. На этом уровне также была система оценки, так сказать, «качества образа будущего». Существенную роль в той системе оценки играли существовавшие тогда идеалы. Эти идеалы могли иметь статус признанных, официальных, иногда даже зафиксированных в документах (например, в Кодексе строителей коммунизма и т. п.).

Двухуровневая (или двухслойная) модель образа будущего отражала существовавшую тогда иерархию факторов, влиявших на формирование такого образа: верхний уровень, олицетворявший государственную власть с официальной идеологией, и личностный, который, несмотря на громкие слова, понимался как во многом производный, нижний уровень. Между этими двумя уровнями находились средства массовой информации, система образования, искусство (прежде всего литература), которые участвовали в формировании представлений об идеальном будущем каждого человека в «правильных контурах», соответствующих государственной идеологии.

После 1991 года рухнули прежняя система идеологии и такая её проекция, как желаемый образ будущего. Перестали воспроизводиться на верхнем уровне и контуры идеального будущего для России, так сказать «официальной мечты». Что касается индивидуального уровня формирования своей личной мечты, то он тоже претерпел значительные изменения. Во-первых, у большинства граждан России сократился интервал прогнозирования своего будущего, люди стали в большей мере жить сегодняшним днём. Поэтому мечта либо вытеснялась из сознания сиюминутными потребностями, либо относилась к ближайшему периоду. С другой стороны, изменились не только её временные характеристики, но и содержание. Она стала носить прагматичный характер — например, заработать больше денег, купить квартиру (дом), автомобиль и т. п. С верхнего уровня не поступало никаких направляющих воздействий на

процесс формирования индивидуальных представлений об идеальном будущем.

Человек «пропускает» всю окружающую его реальность через призму желаемого и сущего. Механизмы осознания, стереотипы поведения в значительной мере определяются соотношением с желаемым, с мечтой. Очень часто бывает, что тот, кто в большей мере ориентируется на мечту, вместо того, чтобы обустроить реально существующий мир, надеется, что мечта каким-то чудом сбудется. Однако более конструктивным является подход, при котором между желаемым (мечтой) и сущим ищутся пути перехода из одного состояния в другое и выстраивается система мер, позволяющая осуществить этот переход.

В середине 90-х годов XX века со стороны некоторых групп новой российской элиты (в том числе и официальных кругов) начал проявляться интерес к формированию желаемого образа России и поиску объединяющих идей, которые позволили бы восполнить пробел, возникший в результате отказа от марксистской идеологии. Как справедливо отмечал известный русский философ А. С. Панарин, «Россия — это сплетение ценностей и взаимодействие на основе духовности».

Естественно, возник вопрос о том, есть ли какие-то базовые ценности, которые сохраняются в сознании большого числа россиян независимо от смены строя, политического режима, экономической ситуации и конкретных политических лидеров? Есть ли в современной России какое-то взаимопроникновение ценностей различных социальных групп, сохраняются ли базовые ценностные архетипы у разных политических ориентаций?

Изучение результатов проводившихся в 90-е годы Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опросов, в которых в качестве респондентов участвовали представители политической, экономической и интеллектуальной элиты, позволило сделать вывод о начале формирования у них общего ядра представлений о желаемом будущем России. Хотя выбор стратегии развития и определение образа будущей России оставались в поле зрения различных социальных слоёв российского общества, особый интерес эта тема вызывала и вызывает у представителей элитарных групп. Одна из причин этого интереса кроется в том, что элитарные группы понимают важность закрепления в общественном сознании именно

своего представления об образе будущего России. В этой связи становится понятной конкуренция, развернувшаяся между сторонниками различных образов будущей экономической, политической и социальной системы России. Массовая поддержка своей модели будущего развития этих сфер рассматривается элитарными группами как существенное преимущество в борьбе за расширение своего влияния в российском обществе.

Несмотря на пёструю картину элитарных представлений о будущем России, во второй половине 90-х годов общая ситуация стала разворачиваться в сторону формирования общенационального или общероссийского консенсуса по поводу ключевых, неконъюнктурных элементов, которые позволили определить контуры мечты. Для выявления этих контуров было проведено специальное исследование, результаты которого были отражены в работе¹.

Исследование показало, что при всём разнообразии представлений людей об идеальном будущем России, в каждой из сфер жизнедеятельности общества (политической, экономической, социальной) явно просматривался набор основных стереотипов. Образ будущей политической системы характеризовался следующими наиболее часто встречающимися вариантами: «демократия западного типа», «авторитарный режим», «вариант советской власти» и, наконец, «особая система, соответствующая историческому прошлому России». Сравнение данных нескольких опросов представителей элиты показало устойчивую тенденцию повышения поддержки «особой системы, соответствующей историческому прошлому России» (такой вариант поддержал 41% респондентов). Одновременно происходило уменьшение популярности крайних, противостоящих друг другу вариантов «советской власти» и «демократии западного типа». При этом интересно, что наблюдалось падение популярности почти в два раза варианта «авторитарного режима»².

Таким образом, в качестве среднего варианта, который в наибольшей степени поддерживался различными элитарными группами, вырисовывалась «самобытная политическая система, характерная только для России». Следует обратить внимание, что такая позиция была выявлена в ходе упомянутого исследования и опубли-

¹ Вдовиченко Л. Н., Гуриев М. А., Кучкаров З. А., Малахов А. И. ИДЕЯ-150. М. : Концепт, 1997.

² Там же. С. 10.

ликована в 1997 году задолго до появления концепции «суверенной демократии».

При определении контуров желаемого образа будущей экономической системы России была обнаружена аналогичная тенденция к стягиванию основных предпочтений элиты от крайних вариантов к среднему: наибольшую поддержку у респондентов получила «смешанная экономика: сильное государственное регулирование с ограниченным частным сектором (56%)». При этом существенно снизилась поддержка двух крайних вариантов «капиталистической экономики» (до 22%) и экономики «советского типа» (до 7%). Интересно было сравнить эти данные с первыми замерами общественного мнения, проведёнными ВЦИОМом в мае 1991 года, когда в поддержку «капиталистической экономики» высказывалось 57,41%, а экономики «советского типа» — 24,07% респондентов. Это подтвердило гипотезу исследования о том, что при движении от начала к концу 90-х годов у представителей российской элиты наблюдался отход от крайних непримиримых вариантов к компромиссному видению экономического будущего России.

В желательном образе экономики происходит кристаллизация некоего ядра, в котором находит своё место элемент предпринимательства, деловой инициативы, то есть наблюдается перелом сознания: от полного отторжения предпринимательства в сторону признания некоторой пользы предпринимательства и рынка, но не в той форме, как это было в эпоху первоначального накопления капитала. Само понятие «капитализм» в 90-е годы XX века ещё вызывает у значительной части населения отрицательное отношение. Но, когда речь заходит о рынке, предпринимательстве, самостоятельной инициативе, отношение меняется в лучшую сторону.

Аналогичная тенденция формирования общих представлений о желательном будущем наблюдалась и в отношении социальной системы. В этой сфере имело место устойчивое повышение популярности «средней между социализмом и капитализмом социальной системы с минимумом социальных гарантий» (48% респондентов высказались за этот вариант). Близкими к такому варианту являлись «социально ориентированный капитализм» (21%), а также «система с социальной справедливостью» (11%). Примечательным являлось уменьшение популярности «капитализма европейского типа» (до 10%), низкий рейтинг вариантов «системы, сходной с советской», а также «общинной системы» (по 5% поддержки у каждой).

Предпринятое нами в 1997 году трёхмерное моделирование представлений о будущем образе экономики, политической и социальной систем позволило выделить наиболее популярное видение представителями нашей элиты будущего России, своеобразные контуры «российской мечты». Они заняли срединное положение между радикальными стереотипами, условно говоря «прозападной» и «просоветской ориентации». Желательный образ будущей России тогда описывался следующим образом: *«Процветающая Россия— это общество с особой политической системой, соответствующей её историческому прошлому, смешанной экономикой и социальными гарантиями населению»*. Такой многомерный анализ также выявил не лежащую на поверхности тенденцию к расширению базы для согласия в выборе оптимальной стратегии развития России.

Прошло более 10 лет после исследования представлений россиян об идеальном будущем для страны. Конечно, ситуация в России претерпела существенные изменения. В некоторых соседних с ней государствах также были предприняты попытки определить желаемый образ будущего своей страны. Так, например, была подготовлена интересная работа «Казахстанская мечта», проведены и другие подобные исследования.

Конечно, интересно сравнить ситуацию в конце первого десятилетия нового века с предыдущим. Остался ли интерес к данной теме? Ведутся ли исследования на эту тему? Происходит ли публичное позиционирование образа будущего России?

В последнее время усилилась активность различных исследовательских, экспертных организаций по анализу существующей ситуации и формированию образа будущего России. В независимом экспертном докладе «Модернизация России как построение нового государства», подготовленном в 2009 году группой российских исследователей¹, отмечалось, что в сегодняшней России процесс деградации человеческого потенциала ощущим очень остро. Растёт износ прежних систем социализации, следствием чего являются наркотизация и алкоголизация населения, беспризорность, криминализация и архаизация бытовых укладов, высокая смертность, дефицит социального доверия и солидарности и т. д.

¹ «Модернизация России как построение нового государства». М., 2009. (<http://www.apn.ru/publications/article22100.htm>).

Институт современного развития (ИнСоР), который считается «мозговым трестом» Президента РФ (его попечительский совет возглавляет Д. А. Медведев), презентовал 3 февраля 2010 года доклад «Россия XXI века: образ желаемого завтра». Во-первых, это событие подтверждает нашу гипотезу о том, что контуры мечты могут формироваться сверху. Во-вторых, место марксистской идеологии, которая играла до 1991 года ведущую роль в формировании «официальной» мечты, не могло долго оставаться незанятым. Раз есть потребность в воспроизводстве содержимого этой ниши общественного сознания, она рано или поздно находит источник удовлетворения.

Характерно, что доклад ИнСоРа написан в жанре полуутопии. С одной стороны, его авторы предлагают взглянуть на будущую Россию с уже решёнными проблемами. С другой, в докладе присутствует и нормативистский подход, долженствование. В частности, авторы доклада пишут, что должен сделать Президент, чтобы обеспечить переход к светлому будущему. По мнению экспертов, страна попала в «историческую ловушку», и ей предстоит совершить «модернизационный рывок» в «условиях, в которых слишком многое располагает к инерции и загниванию» (начиная с конъюнктуры на сырьевых рынках и заканчивая «настроениями в политике и уверенностью власти в своей способности управлять массовым сознанием»). Чтобы миновать цивилизационную развилку «в правильном направлении и без необратимых потерь», необходимо достичь «стратегического согласия» в обществе — от этого зависит, удастся ли России стать страной, «современной во всех отношениях».

Авторы доклада полагают, что «упустить эту возможность было бы непростительно: при глубине, скорости и необратимости происходящих в мире изменений такой шанс может не представиться больше никогда».

Эксперты полагают, что особенное значение в нынешней ситуации приобретают *«модели, показывающие, какой мы хотели бы видеть свою страну»*. Это как раз является попыткой позиционирования образа будущего в верхнем эшелоне власти. Авторы доклада, проведя анализ современной ситуации в стране, предлагают для публичного обсуждения собственный проект обустройства России. При этом подчёркивают, что «попытки проведения институциональных реформ наталкиваются на хорошо организованное сопротивление. Ситуация требует неординарной политической воли — не мирных увещеваний, но жёсткого и системно налаженного противодействия сопротивлению».

В отсутствие социального консенсуса в ценностях, мировоззрении и политических взглядах эксперты тем не менее считают возможным обрисовать контуры желаемого будущего для России. Путём, который ей позволит перейти из неприглядного настоящего в светлое будущее, они считают процесс модернизации. Отправную точку для процесса модернизации они видят в «преодолении избыточной зависимости от экспорта сырья с выходом в экономику знаний, наукоёмких производств, высоких технологий и интенсивных инноваций». При обсуждении доклада специалисты из различных центров и фондов высказали противоречивые мнения о его содержании.

Так, например, член научного совета Московского центра Карнеги Н. Петров в качестве достоинств представленного подхода назвал то, что «жанр желаемого позволяет не строить каких-то скучных инерционных прогнозов, а быть максимально свободными». Он также отметил, что построения такого рода находятся в рамках тенденции, которая стала проявляться в последнее время в среде российских интеллектуалов и пользоваться возрастающим интересом у российской элиты: «Важно, что сейчас зреет в политических элитах. Я вижу проявление новых веяний и на Госсовете, и в докладах ИнСоРа, и в заявлениях Миронова насчёт правительства — зреет понимание того, что нынешняя политическая система старомодна. Что она не соответствует тем задачам и вызовам, которые стоят перед страной, и должна существенно модернизироваться. Доклад даёт старт широкой общественной дискуссии. Раньше они писали доклады, клали их под сукно и имели дело с очень ограниченным кругом экспертов. А теперь, как я понимаю, результаты исследования будут презентоваться достаточно широко. Как вы бы не относились к конкретным идеям документа, сам факт того, что начинается широкая дискуссия по этим вопросам, кажется мне хорошим».

Активизация процесса формирования и позиционирования контуров будущего России на экспертном уровне, приближённом к официальной власти, уже имеет свои последствия, что можно отметить как положительный момент. Изменения в политической системе действительно будут происходить. Но эти изменения, по мнению В. В. Путина и Д. А. Медведева, вызваны не чрезвычайной ситуацией, а связаны со стабильным развитием национальных демократических институтов. Например, расширение участия партий в политическом

процессе («демократия участия») теперь произойдёт и на региональном уровне. Соответствующий законопроект, предложенный Д. А. Медведевым, уже принят Государственной Думой. Как было отмечено в докладе рабочей группы Государственного Совета, прошедшего 22 января 2010 года, «администрирование должно постепенно уступать место содержательному диалогу, политическим методам взаимодействия региональных властей с партиями».

Таким образом, контуры официального образа будущего России — своеобразной «российской мечты» будут сейчас активно формироваться «сверху» и позиционироваться для широких масс населения особенно по мере приближения предвыборных кампаний в Государственную Думу в 2011 году и президентских выборов 2012 года.

Библиография

1. Вдовиченко Л. Н., Гуриев М. А., Кучкаров З. А., Малахов А. И. ИДЕЯ-150. М., 1997.
2. «Модернизация России как построение нового государства». М., 2009. (<http://www.apn.ru/publications/article22100.htm>).
3. Фёдоров В. В. Русский выбор. Введение в теории электорального поведения россиян. М. : Праксис, 2010.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

*КУБЯКИН Евгений Олегович,
кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры
философии и социологии,
Краснодарский университет МВД России
tspopz@yandex.ru*

Молодёжь в трансформирующемся российском обществе как объект социологического исследования / The youth in a transforming Russian society as an object of sociological research

Аннотация

В статье рассматривается социокультурное положение российской молодёжи в современном обществе риска. Автор констатирует, что российская молодёжь, являясь ресурсом развития общества, находится в неустойчивом состоянии, подвержена влиянию ряда факторов, угрожающих её успешному социальному развитию и включению в социальную систему.

Ключевые слова

Молодёжь; социальное развитие; риск; трансформационные процессы.

Annotation

In this article the social-cultural position of the Russian youth in a modern society of risk is considered. The author ascertains that the Russian youth, being a resource of a development of a society, is in an unstable condition, is subject to influence of some factors menacing to its successful social development and inclusion into the social system.

Keywords

Youth; social development; risk; transformational processes.

В трансформирующемся российском обществе происходят значительные изменения, меняющие привычные представления об устойчивых предметах и понятиях. Так и понятие «молодёжь» претерпело определённые изменения. Если в содержании понятия «молодёжь» советские исследователи делали упор на монолитность, справедливо полагая, что это является результатом государственной политики по стиранию социокультурных различий между классами, слоями и группами, то сегодняшний анализ сопряжён с доминирующей тенденцией на социальную дифференциацию в молодёжной среде. Внутренняя социальная дифференциация молодёжи дополняется субкультурной, обусловленной различными ценностными ориентациями. Однако дифференцирующие экономические и социокультурные тенденции в молодёжной среде не снижают значимости интегрирующих признаков, а лишь в значительной степени усложняют сам феномен молодёжи, его теоретический анализ.¹

Одно из первых определений молодёжи гласило: «Это возрастная социально-демографическая общность со своей особой субкультурой и специфическими отношениями с субъектами общества». В дальнейших разработках отечественных и зарубежных социологов оно получило развитие с позиций психоаналитического, структурно-функционального, культурологического, социально-воспроизводственного, рискологического и других подходов. Молодёжь стала позиционироваться не как часть классовой структуры, а в качестве самостоятельной социальной группы, имеющей собственное социальное качество. Стало понятно, что возраст — не единственная характеристика, отражающая социальную сущность молодёжи. В качестве её сущностных характеристик выделяются её социальные особенности, социальный статус, особая субкультура, роль и место в общественном воспроизводстве.²

¹ Петров А. В. Социальные практики молодёжи : учеб. пособие. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2005. С. 19–20.

² Аверьянов Л. Я. О проблемах молодёжи и не только о них // Социол. исслед. — 2008. — № 10. — С. 155.

Ю. Р. Вишневский и В. Т. Шапко отмечают такие элементы социологического определения «молодёжь»:

— возрастные границы и социально-психологические особенности;

— специфика социального статуса, ролевых функций, социокультурного поведения;

— процесс социализации как единство социальной адаптации молодёжи и индивидуализации.¹

Ю. А. Зубок выделяет ряд признаков, необходимых для операционализации молодёжи. В качестве меры выступает способность молодого поколения унаследовать, воспроизводить на качественно новой основе и передать (транслировать) следующим поколениям всю систему социальных отношений, обеспечивающих внутреннюю устойчивость и целостность общества. Таким образом, функционирование и развитие молодёжи как социально-демографической группы отражают становление субъекта общественного производства и общественной жизни. Соответственно нарушение, дисфункция этого процесса лежат в основании социальных проблем молодёжи.²

В индивидуально-психологическом плане для молодёжи характерны не всегда осознанное желание освободиться от внешнего контроля, повышенная эмоциональность, возбудимость, идеализация некоторых жизненных представлений, максимализм, а также неустойчивость нравственных позиций, часто основанная на восприятии негативных явлений общества. «Конфликтное самосознание нашей молодёжи является лишь отражением хаоса, существующего в нашей общественной жизни, а её замешательство — естественный результат её неопытности... Молодёжь смотрит на конфликты современного общества как бы извне. Именно поэтому она является зачинателем любых изменений в обществе».³

¹ Шапко В. Т. Актуальная культура российской молодёжи. Автореф. дис... доктора соц. наук. Екатеринбург, 1997.

² Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодёжи. М. : Мысль, 2007. С. 12.

³ Бобахо В. А., Левикова С. И. Современные тенденции молодёжной культуры: конфликт или преемственность поколений // Общественные науки и современность. — 1996. — № 3. С. 57–58.

Чем, на наш взгляд, обусловлена актуальность социологических исследований российской молодёжи — как фундаментальных, так и эмпирических и прикладных? Во-первых, молодёжь как часть общества подвержена влиянию его объективных условий, то есть внешних по отношению к ней угроз и риска. Находясь в самом начале жизненного пути, молодые больше рискуют остаться без образования, не найти работы, не создать семьи, не выдержать конкуренции в бизнесе, подвергнуться маргинализации.

Во-вторых, социальное взросление отражается в приобретении и изменениях собственного социального статуса в ходе интеграции молодёжи в структуру общества, а также в характере её идентификаций с различными социальными группами. Выбор идентификационных образцов и стратегий поведения составляет существо внутреннего, или субъективного, риска, который является неотъемлемой частью выбора молодёжью самостоятельного жизненного пути, а также локомотивом самореализации и социального продвижения.

В-третьих, источником риска становится такое свойство молодёжи, как её имманентное стремление к новому, неизведанному. При этом смелость и лёгкость, с которой молодые идут на риск, зачастую не уравновешиваются сколько-нибудь строгой оценкой вероятности выигрыша и проигрыша. Вот почему в среде молодёжи так распространён немотивированный риск, а опасность ошибки так велика... Таким образом, риск становится значимым фактором социального развития молодёжи.¹

Итак, налицо противоречие, заключающееся, с одной стороны, в важной роли молодёжи в процессе общественного воспроизводства. Молодёжь — ресурс развития, потенциал будущего российского государства. С другой стороны — в обществе риска молодёжь выглядит как одна из наименее устойчивых и защищённых социальных групп. Именно поэтому представляют важность исследования, позволяющие оптимизировать управленческие мероприятия в отношении молодого поколения, с тем чтобы снизить тяжесть действия негативных факторов на российскую молодёжь.

По мнению В. И. Чупрова, системный кризис, охвативший российское общество, не может не затронуть фундаментальные механизмы его функционирования и развития, в том числе и общественное

¹ Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. С. 4.

воспроизводство. Как естественноисторический процесс развития социетальной системы общественное воспроизводство в условиях перемен призвано обеспечить стабильность и целостность общества. Всякая попытка не считаться с закономерностями этого процесса ведёт к социальной дезинтеграции и эскалации напряжённости. Как управляемый процесс общественное воспроизводство само подвержено изменениям, которые могут входить в противоречие с естественноисторическими потребностями развития различных структур, что в свою очередь проявляется в деформации социальной структуры в целом и социального поведения действующих личностей. То есть изменение воспроизводственного механизма и углубление системного кризиса российского общества имеют двойственную зависимость. С одной стороны, это изменение является прямым следствием кризиса, с другой — причиной его углубления. Поэтому нельзя вывести страну из кризиса, не перекрыв каналы его воспроизводства и не раскрыв источники обновления общества.

Таким источником в системе общественного воспроизводства считается молодое поколение, его социальное развитие. В результате смены поколений происходит не только процесс простого воспроизводства социальной структуры, но и обновления всей системы общественных отношений. Однако этот процесс протекает неодинаково в стабильных, в динамично развивающихся и в кризисных обществах. Если в стабильных и развивающихся обществах инновационный процесс протекает относительно динамично, то в кризисном (переходном) обществе накопление нового опыта всегда сопряжено с конфликтом, с отрицанием устаревшего, отжившего. Молодёжь, призванная осуществлять передачу обновлённого совокупного общественного опыта от одного поколения к другому, является решающим фактором в преодолении данного конфликта. Поэтому в условиях социальной нестабильности воспроизводственная функция молодёжи существенно актуализируется. От того, насколько гармонично эта функция будет реализована в общественном воспроизводстве, зависит развитие молодого поколения сегодня и российского общества завтра.¹

¹ Чупров В. И. Молодёжь в общественном воспроизводстве // Социол. исслед. — 1998. — № 3. С. 93.

Современные общества испытали главное противоречие — между возможностями пользоваться плодами прогресса и постоянно воспроизводимым состоянием риска. Последствия экологических катастроф, бесконтрольного применения современной техники и технологий, экономических спадов и политических кризисов, террористических актов и ошибочных решений в управлении не обходят стороной ни одну социальную группу. Повсеместно они сопровождаются хаосом и беспорядком, распадом семейных структур и групповых отношений, неясностью происходящего и непредсказуемостью будущего, низвержением прежних авторитетов и ценностей, трансформацией нравственных императивов и ростом всеобщего недоверия, ощущением нестабильности и угрозы жизненным планам и стремлениям людей.

В российском обществе риск и неопределённость приобретают значение проблем социетального характера, а исследование риска требует его рассмотрения во взаимосвязи с явлениями системного кризиса. Экономическое, политическое, финансовое, технологическое положение России позволило отечественным социологам сделать вывод о вхождении страны в состояние риска в конце прошлого столетия. Причём, как показывают исследования, произошедшие в последние годы, риск произошёл не вследствие модернизации, а в результате прямо противоположных процессов демодернизации, сопровождающих деструктивные явления в экономике. Не процесс производства богатства, как в других современных обществах риска, а углубление кризиса явилось предпосылкой перехода России в это состояние. Отсюда системный характер рисков, их гипертрофированные формы и специфические модели воспроизводства.¹

Таким образом, молодёжь играет ключевую роль в системе общественного воспроизводства трансформирующегося российского общества. Вместе с тем молодое поколение испытывает на себе действие комплекса факторов, угрожающих процессам социализации, социального развития. Ситуация осложняется ещё и тем, что процессы культурной глобализации и становления информационного общества существенно корректируют социализационные механизмы российской молодёжи, ограничивают государство в проведении

¹ Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. С. 3–4.

молодёжной политики. Интернет, спутниковое телевидение, расширенные возможности мобильной связи в качестве инструментов стихийной социализации всё чаще определяют личностный облик молодых россиян.

Нынешнему поколению подростков предоставлена свобода выбора форм, норм, мира, пространства социализации. Вместе с тем стоит отметить, что виртуальный мир предлагает формы и нормы социализации, подобные, но не тождественные тому, что принято в реальном мире. В настоящее время в самостоятельную жизнь входят подростки, социализация которых происходит в меняющихся условиях глобализирующегося общества. У некоторых из них происходит искажение, деформация до конца не сформировавшейся (на жизненном, индивидуальном уровне) матрицы культурных, духовных, нравственных установок, закрепление антиобщественных, антиправовых установок и норм.

В сложившейся социокоммуникативной ситуации активизируются экстремистские молодёжные движения, активно транслирующие на российскую молодёжь идеологические установки посредством Интернета и компьютерной коммуникации. Руководители и координаторы экстремистских молодёжных движений используют расширившиеся коммуникативные возможности глобализирующегося общества для насаждения ценностей, норм, образцов поведения, идеологических установок, носящих антисоциальный характер. Мы констатируем, что в современной ситуации российская молодёжь оказалась уязвимой перед коммуникативным воздействием экстремистского характера. Не стоит забывать, что экстремизм на сегодняшний день редко носит открытый характер, он глубоко конспирирован и хорошо адаптируется к современным условиям, в частности через Интернет. Сейчас для того, чтобы общаться с единомышленниками, необязательно собираться на конспиративных квартирах и входить в «тайные кружки», достаточно иметь персональный компьютер и выход в сеть Интернет. Именно поэтому необходимо уделять повышенное научное и управленческое внимание российской молодёжи в обществе риска.

Библиография

1. Аверьянов Л. Я. О проблемах молодёжи и не только о них // Социол. исслед. — 2008. — № 10.

-
2. Бобахо В. А., Левикова С. И. Современные тенденции молодёжной культуры: конфликт или преемственность поколений // *Общественные науки и современность*. — 1996. — № 3.
 3. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодёжи. М., 2007.
 4. Петров А. В. Социальные практики молодёжи : учеб. пособие. Краснодар, 2005.
 5. Чупров В. И. Молодёжь в общественном воспроизводстве // *Социол. исслед.* — 1998. — № 3.
 6. Шапко В. Т. Актуальная культура российской молодёжи. Автореф. дис... доктора соц. наук. Екатеринбург, 1997.

РУССКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*АНИСИМОВА Светлана Александровна,
кандидат политических наук,
доцент, Институт переподготовки
и повышения квалификации
руководящих кадров и специалистов
системы социальной защиты населения
города Москвы
anisлана2009@mail.ru*

Традиции социального служения Русской Православной Церкви / Traditions of the social service of the Russian Orthodox Church

Аннотация

В статье представлены авторские исследования важнейшей традиции Русской Православной Церкви — диаконии, т. е. социального служения церкви, представляющей собой сложную совокупность исторических форм защиты и поддержки различных категорий населения, традиций, обычаев, законов, индивидуальных инициатив, действий и поступков, своими корнями уходящей в период Киевской Руси. Проведённый анализ даёт основание полагать, что диакония возвращается к своим исконным традициям, с одной стороны, осуществляя социальную помощь различным категориям населения через монастыри и приходы, а с другой, тесно взаимодействуя с государством, институтами гражданского общества.

Ключевые слова

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви; социальная защита; социальное партнёрство; социальное служение церкви (диакония).

Annotation

This article comprises different researches on one of the most crucial traditions of the Russian Orthodox Church — deacony — social service of the Church which represents a difficult set of historical forms of protection and support of various categories of people, traditions, customs, laws, individual initiatives, actions and acts originated in Kievskaya Rus. The conducted analysis confirms that deacony reverts to the primordial traditions both realizing social assistance to various categories of people with the help of monasteries and parishes and cooperating with the state, institutes of a civil society.

Keywords

Bases of the social concept of the Russian Orthodox Church; deacony; social partnership; social protection.

Приоритетным направлением деятельности государства современной России является социальная политика, составной частью которой является социальная защита населения, что гарантируется Конституцией, Федеральными законами РФ.¹

Социальная защита населения в современной России — это, с одной стороны, деятельность государства, церкви, общества по ограждению всех граждан от социальных опасностей, недопущению нарушения жизнедеятельности различных категорий населения, особенно тех, кто находится в наиболее уязвимом положении, а с другой — создание условий, не допускающих возникновение трудной жизненной ситуации или её осложнение у клиентов социальных служб.

Диакония — социальное служение церкви, которое зародилось в первых христианских иерусалимских общинах, когда все верующие имели одинаковый социальный статус, всё общее, которое разделяли по необходимости каждого.²

¹ Конституция РФ. Гл. 1. Ст. 7. «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. № 237. ФЗ от 02.08.1995 № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов». ФЗ от 10.12.1995 № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации».

² Деяния Апостолов: 2:44–45; 4:32, 34–37; 6:1–7. Распределение проводилось «смотря по нужде каждого». Для наблюдения за справедливым «раздаением потребностей» была создана коллегия семи.

С распространением христианства в города Средиземноморья формы и проявления христианской диаконии стали приспособляться к новым социально-экономическим условиям, сохранив апостольские принципы: трудиться должны все;¹ трудящийся достоин пропитания — награды;² от каждого по возможностям и способностям его, каждому по потребности — по нужде его; в общине не должно быть нуждающихся и обижаемых; все люди — братья, и долг всех, всей общины заботиться обо всех нуждающихся в помощи, в поддержке, в братской любви и в утешении.³

Диакония понималась как евангельская любовь и деятельная помощь нуждающимся по категориям и видам этой деятельной помощи: милостыня вообще и её связь с богослужением; поддержка учащихся и служащих в общинах; поддержка вдов, одиноких и беспомощных женщин, детей-сирот, лишённых семейного попечения; поддержка больных, бедняков, нищих, беспомощных, беспризорных и нетрудоспособных; забота о пленных, узниках, заключённых в тюрьмах, сосланных на каторжные работы на рудники; забота о погребении бедных, бездомных, одиноких и беспризорных; забота о рабах и находящихся в рабском принуждении и угнетении; забота, попечение, участие и оказание помощи пострадавшим во время стихийных бедствий, болезней, эпидемий; помощь нуждающимся в трудоустройстве; забота о странниках и пришельцах.

Социальное служение церкви складывалось столетиями. Милосердие считалось добродетелью, понимаемой как готовность подать милосердие убогому, несчастному, престарелому, больному. При монастырях существовали странноприимные дома и больницы.

Традиции милосердия, благотворительности развивались на Руси со времени принятия христианства в 988 г., когда важнейшим направлением церкви стало призрение — забота о бедных, неимущих. Уже при первых русских христианских князьях Владимире, Ярославе Мудром, Владимире Мономахе были созданы богадельни, бесплат-

¹ Новый Завет. 2 Фес.: 3:10 — «Ибо когда мы были у вас, то завещевали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь».

² Ев. Мф. 10:10 — «Ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания». Ев. Лк. 10:7 — «В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои; не переходите из дома в дом».

³ Деяния Апостолов: 2:44–45; 4:32, 34–35; Мф. 23:8.

ные гостиницы для богомольцев, лечебницы, трапезные для странников. Дела милосердия и благотворительности были закреплены за церковью Уставом князя Владимира Мономаха («Правило о церковных людях») и находились в её руках до эпохи Петра I, когда церковная реформа упразднила патриаршее управление, поставив церковь на службу государству.¹ Однако социальное служение оставалось важнейшим направлением церковной деятельности до 1917 г. Декретом советской власти церковь была отделена от государства и школы, ей было запрещено заниматься какой-либо социальной заботой. Однако даже в годы атеизма церковь продолжала нести социальное служение.²

В 20–30-е годы в период голода церковь организовывала помощь голодающим. Велика была её поддержка и в годы Великой Отечественной войны, когда по призыву Патриарха Местоблюстителя митрополита Сергия, призвавшего верующих к исполнению своего долга перед Родиной, верующие организовали помощь фронту, жертвуя деньги, одежду, подарки для бойцов. В церквях не только служили молебны о даровании победы, но и организовывали сбор средств на оборону населённых пунктов, городов, поддержку раненых, сирот. На сооружение танковой колонны имени Дмитрия Донского было собрано 8 млн, а Сибирская эскадрилья «За Родину» была построена и оснащена за счёт средств, собранных по призыву церкви. Всего за годы войны было собрано для нужд фронта 200 млн руб.³

После Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь и другие религиозные организации участвовали в борьбе за мир, были сделаны взносы в Советский фонд мира.

Изменение в отношении власти и церкви внесла перестройка. В 1985 году государство поддержало желание церковных деятелей включиться в возрождение движения милосердия и благотворительности, включив представителей духовенства в состав Советского фонда культуры, Детского фонда имени В. И. Ленина.

Возвращению социального служения церкви положили начало Конституция РФ 1993 г., Федеральные законы «О свободе совести и о религиозных объединениях», «О благотворительной деятельности

¹ Правда Русская. М.-Л., 1947. Памятники русского права. М., 1952.

² Холостова Е. И. Социальная работа. Учебное пособие. М., 2004. С. 14–194.

³ Е. Вучетич. Проблема общественного служения в работах М. М. Тарасова // Журнал Московской патриархии. — 1992. — № 9. — С. 45–46.

и благотворительных организациях», «О некоммерческих организациях». ¹ В Конституции РФ записано, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». ² Согласно Конституции РФ «Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». ³

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» разрешает религиозным организациям «осуществлять благотворительную деятельность как непосредственно, так и путём учреждения благотворительных организаций», обязывает государство оказывать «содействие и поддержку благотворительной деятельности религиозных организаций, а также реализации общественно значимых культурно-просветительских программ и мероприятий», ⁴ «проводить религиозные обряды в лечебно-профилактических и больничных учреждениях, детских домах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов, в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, по просьбам находящихся в них граждан в помещениях, специально выделенных администрацией для этих целей». ⁵

Согласно ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» благотворительной деятельностью церкви

¹ ФЗ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». «Российская газета» от 1 октября 1997 г. № 190. ФЗ от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». «Российская газета» от 17 августа 1995 г. № 159. ФЗ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». «Российская газета» от 24 января 1996 г. № 14.

² Конституция РФ. Гл. II. Ст. 19.2.

³ Там же. Гл. I. Ст. 14.2.

⁴ ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ. Гл. III. Ст. 18.3. «Российская газета» от 1 октября 1997 г. № 190.

⁵ Там же. Гл. III. Ст. 16.3.

является осуществляемая ею добровольная деятельность по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче в пользу благополучателей имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки. Благотворительная деятельность осуществляется в целях социальной поддержки и защиты граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических или интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы и др.¹

Церкви было возвращено право на приоритет в делах милосердия и сострадания, право заниматься благотворительностью, что способствовало активизации социальной деятельности: приходы начали оказывать помощь нуждающимся прихожанам, была организована школа медсестёр при Марфо-Мариинской обители и др.

Диакония в настоящее время является одним из важнейших направлений деятельности Русской Православной Церкви, цель которого — содействие людям в разрешении их жизненных проблем. Диакония — социальное служение церкви, зародившееся в первых христианских общинах, представляющее собой сложную совокупность исторических форм защиты и поддержки различных категорий населения, традиций, обычаев, законов, индивидуальных инициатив, действий и поступков.

Возрождению диаконического служения была призвана способствовать деятельность Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата, созданного в январе 1991 г. в соответствии с определением Священного Синода РПЦ и Патриархом Московским и всея Руси.²

¹ ФЗ от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». «Российская газета» от 17 августа 1995 г. № 159. Ст. 1 «Благотворительная деятельность». Ст. 2 «Цели благотворительной деятельности».

² Решением Священного Синода от 5 марта 2010 г. председателем Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению назначен протоиерей Аркадий Шатов, 20 августа наречён во епископа Орехово-Зуевского.

Важнейшим направлением деятельности Отдела является возрождение социального служения на общецерковном, епархиальном, монастырском и приходском уровнях, цель которого — оказание помощи незащищённым членам общества — сиротам, инвалидам, одиноким старикам, больным, беженцам и др. Основными задачами Отдела являются организация благотворительной деятельности, социального и милосердного служения религиозных организаций, принадлежавших РПЦ, привлечение к ней граждан и юридических лиц. В структуру Отдела входят секторы: социального служения, медицины, по работе с беженцами и по чрезвычайным ситуациям, по связям с епархиями, по связям с общественностью. Отдел осуществляет следующие формы помощи — материальную, медицинскую, пасторскую. При Отделе работает Общественный совет, патронажная служба, межцерковный центр по оказанию помощи беженцам, координационный совет женских благотворительных организаций.¹

Отделу подчинена Центральная клиническая больница святителя Алексия, митрополита Московского, на территории которой действуют 2 больничных храма.²

Совершенствованию социальной работы церкви призвана способствовать создаваемая Отделом электронная база данных по социальному служению церкви — реестр социальных учреждений РПЦ, осуществляющих свою деятельность на всей канонической территории. Целью проекта является создание инструмента, позволяющего получить через Интернет справочную информацию обо всех церковных социальных объектах, что поможет оценить масштабы церковной социальной работы в каждом населённом пункте.

Отделы по благотворительной деятельности и социальному служению созданы во всех епархиях РПЦ, успешно осуществляя работу с различными категориями населения: инвалидами, многодетными семьями, заключёнными, бомжами, мигрантами, беженцами, вынужденными переселенцами, организуют патронажные службы и т. д.

¹ Устав Отдела утверждён решением Священного Синода от 31 мая 2010 года. Журнал заседания Священного Синода № 45, [http:// diaconia.ru](http://diaconia.ru)

² 26 мая 1992 г. решением Правительства Москвы Городская клиническая больница № 5 была переведена под покровительство Московского Патриархата и получила название Центральной клинической больницы святителя Алексия, митрополита Московского.

Социальному служению РПЦ призваны способствовать Концепции РПЦ. Концепция духовного просвещения и благотворительности, представленная в докладе Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе РПЦ 18 февраля 1997 г., направлена на выполнение следующих задач: возрождение прихода как христианской общины единомышленников; возрождение церковного братства и развитие разного рода церковных движений; организацию церковного здравоохранения; создание епархиальных комиссий по благотворительности; подготовку преподавателей катехизиса; организацию благотворительного бюджета (приходского епархиального, общецерковного).¹

Концепция молодёжного служения РПЦ, одобренная Священным Синодом в апреле 2000 г., предусматривает работу с молодёжью; Концепция РПЦ по ВИЧ/СПИДу, одобренная Священным Синодом 1 октября 2004 г., ставит своей важной задачей служение милосердия в отношении больных, ведение работы с наркозависимыми, составляющими группу риска заболеваемости ВИЧ/СПИДом.

В Концепции миссионерской деятельности, одобренной Священным Синодом 27 марта 2007 г., изложены цели, задачи миссионерского служения РПЦ, которые могут творчески развиваться с учётом местных условий и возможностей. В настоящее время РПЦ разрабатывает Концепцию развития социального служения РПЦ.

Социальному служению церкви способствуют созданные комиссии, среди них важную роль играет действующая при Епархиальном совете города Москвы Комиссия по церковной социальной деятельности, созданная в 2000 г. по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, в которую входят назначенные Патриархом священнослужители. Целью Комиссии является координация взаимодействия приходов и их социальной деятельности в Москве, инициирование и поддержка новых социальных проектов, прикрепление к каждому социальному объекту (дома ребёнка, дома престарелых, больницы и др.) окормляющего храма, сбор информации о социальной деятельности РПЦ.² Комиссия имеет круглосуточную

¹ Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе РПЦ 18 февраля 1997 г. // Московская патриархия. — 1997. — № 3. — С. 12–82.

² В 2002 г. председателем комиссии был назначен протоиерей Аркадий Шатов, настоятель храма св. благ. царевича Димитрия (в настоящее время — епископ Орехово-Зуевский).

справочно-информационную службу, которая информирует о социальной деятельности московских приходов, операторы принимают просьбы о помощи и собирают базу данных о помощи. Важными механизмами осуществления социальной деятельности Комиссии является печатный орган «Нескучный сад», в котором публикуются новости о церковных и государственных проектах, обзорные статьи о социальном служении в других епархиях.

По предложению Комиссии в каждом храме г. Москвы назначается ответственный за социальную работу священнослужитель, что позволяет иметь представление о социальной деятельности в епархии.

РПЦ придаёт особое значение социальной деятельности священнослужителей. Эта работа началась при Патриархе Московском и всея Руси Алексии II, который ещё в 2003 г., выступая на Епархиальном собрании, впервые высказался о необходимости в каждом приходе организовать помощь немощным, бедным, больным, одиноким. Это направление продолжил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, подчеркнувший необходимость усиления социального служения, что требует социальной специализации каждого прихода, введения должности социального работника, привлечения к социальному служению дьяконства (как это было в апостольские времена).

Задачам развития социального служения РПЦ призвана способствовать созданная 29 января 2010 г. Комиссия Межсоборного присутствия по вопросам социальной деятельности и благотворительности, председатель которой — митрополит Калужский и Боровский Климент.¹ Целью Комиссии является поддержка семьи, материнства

¹ 31 марта 2009 г. Священный Синод РПЦ создал Комиссию по образованию Межсоборного присутствия РПЦ под председательством Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Межсоборное присутствие РПЦ — совещательный орган Московского Патриархата, содействующий высшей церковной власти РПЦ в подготовке решений, касающихся важных вопросов внутренней жизни и внешней деятельности церкви. 27 июля 2009 г. на заседании Священного Синода в Киеве были утверждены Положение о Межсоборном присутствии РПЦ, состав Президиума, определён круг вопросов, входящих в его компетенцию. Первое заседание Президиума Межсоборного присутствия РПЦ состоялось 29 января 2010 г. в храме Христа Спасителя под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

и детства; благотворительность и социальная деятельность на общецерковном, епархиальном, приходском уровнях; разработка подходов к осуществлению церковной заботы о престарелых, инвалидах, детях-сиротах, малоимущих; борьба с алкогольной угрозой и наркотической зависимостью и др. Деятельность Комиссии осуществляется в трёх направлениях: 1) внутрицерковное управление и организация диаконии на общецерковном, епархиальном и приходском уровнях, роль мирян в церковной деятельности; 2) разработка юридических оснований и механизмов финансирования социальных церковных программ; 3) определение направлений диаконической работы.

Социальное служение (диакония) осуществляется в двух направлениях:

1) работа в государственных учреждениях, предусматривающая оказание помощи в больницах, детских домах, интернатах и др. (осуществляется благотворительными братствами и сестричествами);

2) создание собственных структур для реализации социальных программ — больниц, богаделен, образовательных, реабилитационных центров, гостиниц, призванных осуществлять работу с различными социальными категориями населения — инвалидами, детьми-сиротами, многодетными семьями, заключёнными, беспризорниками, бомжами, мигрантами, беженцами, вынужденными переселенцами и др.

Социальная работа проводится с разными категориями населения, с этой целью осуществляются: 1) медицинские программы; 2) детские программы; 3) социальная деятельность в области образования; 4) организация помощи престарелым и инвалидам; 5) программа по борьбе с безработицей; 6) программы по работе с алкоголе- и наркозависимыми; 7) работа с мигрантами, беженцами, вынужденными переселенцами, соотечественниками; 8) помощь жертвам стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций; 9) работа с заключёнными; 10) социальное служение РПЦ в Вооружённых Силах; 11) оказание помощи бомжам.

Социальному служению церкви способствуют Православная служба «Милосердие», объединяющая здоровые силы общества с целью создания помощи ближнему и нуждающимся, созданная в 2008 г. программа «Друзья милосердия», целью которой является поддержка детских домов, богаделен. Систематически проводится акция «Месяц Милосердия», суть которого заключается в массовой

раздаче листовок с квитанциями для пожертвований в пользу подопечных службы «Милосердие».

Развитию социального служения церкви способствует социальное партнёрство с государством, институтами гражданского общества.¹

В апреле 2000 г. на Архиерейском Соборе были утверждены Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. В Концепции излагаются базовые положения учения церкви по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем, в том числе социальной деятельности церкви, а также отражена официальная позиция Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством, светским обществом, традиционными конфессиями.

Исходя из этого 5 марта 2003 г. между Министерством социального развития и Московским Патриархатом было подписано Соглашение о сотрудничестве. Соглашение призвано способствовать развитию услуг в сфере оказания медико-социальной помощи, профилактической деятельности и медицинскому просвещению населения, оказанию медицинской помощи инвалидам, иным социально уязвимым группам населения, обеспечению ухода за больными на дому и в стационарных учреждениях здравоохранения, подготовке персонала, сестёр милосердия для оказания медико-социальной помощи, взаимодействию в сфере благотворительности и милосердия. Соглашение дало возможность совместно с медицинскими учреждениями разрабатывать благотворительные проекты, выполнять системную социальную деятельность с разными нуждающимися социальными категориями населения.

31 августа 2010 года между РПЦ и Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуа-

¹ Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 № 197. Часть II. Раздел II. Социальное партнёрство в сфере труда. Ст. 23. Социальное партнёрство в сфере труда (далее — социальное партнёрство) — система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений.

циям и ликвидации последствий стихийных бедствий подписано Соглашение о взаимодействии в области оказания помощи пострадавшему населению в чрезвычайных ситуациях.

Подобные соглашения о сотрудничестве заключены в г. Москве: между Московской епархией РПЦ и Департаментом здравоохранения г. Москвы от 4 октября 2006 г., согласно которому стороны осуществляют сотрудничество в области здравоохранения, лекарственного обеспечения, физической культуры и иных областях, представляющих взаимный интерес, включая вопросы: охраны духовно-нравственного и физического здоровья населения г. Москвы, духовно-нравственного просвещения и др.; между Московской епархией и Департаментом социальной защиты населения г. Москвы от 6 октября 2006 года, согласно которому стороны осуществляют сотрудничество в области социальной защиты населения, в том числе социального и медико-социального обслуживания, реабилитации, социальных выплат, санаторно-курортного лечения, развития благотворительности и иных сферах, представляющих взаимный интерес, включая вопросы: осуществления социальной защиты ветеранов труда и войны, семьи, женщин, детей, малоимущих и иных нуждающихся в социальной защите категорий населения; профессиональной подготовки и переподготовки социальных работников; улучшения демографической ситуации и укрепления института семьи и брака; развития сети учреждений социального обслуживания, учреждённых РПЦ, её каноническими подразделениями либо с их участием; приспособления среды города для жизнедеятельности маломобильных групп москвичей; альтернативной воинской службы в учреждениях социальной защиты населения; развития новых форм и видов социального обслуживания населения города Москвы с участием РПЦ и её канонических подразделений.¹

Работу по взаимодействию с институтами гражданского общества с целью консолидации общественных сил для возрождения и развития традиций христианского милосердия и благотворительности призван выполнять созданный при Синодальном отделе по церковной благотворительности и социальному служению Общественный

¹ [http:// www.miloserdie.ru](http://www.miloserdie.ru) Соглашение о сотрудничестве между Московской епархией РПЦ и Департаментом здравоохранения г. Москвы от 4 октября 2006 г.

совет, в который входят известные деятели науки и культуры, политики, общественные деятели. Совет взаимодействует с общественными организациями, благотворительными фондами по вопросам формирования и развития целевых проектов и программ в сферах здравоохранения, социального обслуживания, организации домов общественного призрения для неимущих и бездомных.

Таким образом, в настоящее время церковное социальное служение возвращается к своим исконным традициям, с одной стороны, осуществляя социальную помощь через монастыри и приходы, где предоставляется комплекс социальных услуг, а с другой, тесно взаимодействуя с государством и институтами гражданского общества.

Библиография

1. Аверин А. Н. Государственная система социальной защиты населения. М. : РАГС, 2010. 124 с.
2. Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М. : Центр-политграф, 2001. 445 с.
3. Вучетич Е. Проблема общественного служения в работах М. М. Тарасова // Журнал Московской патриархии. — 1992. — № 9.
4. Деяния Апостолов.
5. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе РПЦ 18 февраля 1997 г. // Московская патриархия. — 1997. — № 3.
6. Журнал заседания Священного Синода № 45, [http:// diaconia.ru](http://diaconia.ru)
7. Конституция РФ. М., 2010.
8. Никольский Н. М. История русской церкви. М. : АСТ, Мидгард, 2004. 608 с.
9. Новый Завет.
10. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях : федер. закон Рос. Федерации от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ // Рос. газ. — 1995. — 17 августа (№ 159).
11. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ // Рос. газ. — 1995. — 24 декабря.
12. О некоммерческих организациях : федер. закон Рос. Федерации от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // Рос. газ. — 1996. — 24 января (№ 14).
13. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон Рос. Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Рос. газ. — 1997. — 1 октября (№ 190).

-
14. О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов : федер. закон Рос. Федерации от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ // Рос. газ. — 1995. — 4 августа (№ 150).
 15. Павленок П. Д. Основы социальной работы. Учебник. М. : Инфа-М, 2006. 560 с.
 16. Памятники русского права. М., 1952.
 17. Правда Русская. М.-Л., 1947.
 18. Савинов А. Н. Организация работы органов социальной защиты. М. : Академия, 2010. 224 с.
 19. Современная энциклопедия социальной работы. М. : РГСУ, 2008. 410 с.
 20. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ.
 21. Холостова Е. И. Социальная работа. Учебное пособие. М., 2004.
 22. Шевцова В. Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 488 с.
 23. [http: // www.miloserdie.ru](http://www.miloserdie.ru) Соглашение о сотрудничестве между Московской епархией РПЦ и Департаментом здравоохранения г. Москвы от 4 октября 2006 г.

*ШАБШАЕВИЧ Елена Марковна,
кандидат искусствоведения,
доцент кафедры теории и истории музыки,
Московский государственный институт
музыки имени А. Г. Шнитке
shabsh@yandex.ru*

Московская концертная жизнь XIX века под сенью закона / Moscow 19-th century musical life in the shadow of the law

Аннотация

Статья посвящена некоторым аспектам российского законодательства XIX века в области устройства концертов. Исследуется влияние юридических норм на топографию и календарь московского концертного пространства. Концерты, как и спектакли, маскарады, относились к публичным зрелищам и поэтому проводились в строго ограниченный временной период и требовали обязательного согласования с местным полицейским начальством. Кроме того, до 1882 года обязательной была виза Дирекции императорских театров, которая также сдерживала рост частной инициативы. В статье приводятся примеры удовлетворённых и неудовлетворённых ходатайств об устройстве концертов (по неопубликованным архивным документам), на основе которых можно представить себе те социальные реалии, в которых приходилось действовать русским музыкантам в позапрошлом веке, доказывая право на публичное признание своего таланта.

Ключевые слова

Концертная жизнь Москвы XIX века; организация концертной деятельности.

Annotation

This article is devoted to some aspects of the Russian legislation in XIX century in the field of the concerts device. Influence of legal norms on topography and a calendar of the Moscow concert space are investigated. Concerts, as well as performances, masquerades, were concerned the public shows and consequently were spent in the strictly limited time period and were demanded the obligatory coordination with the local police heads. Besides, till 1882 the visa of Management of Imperial theaters was obligatory which has also contained the growth of the private initiative. The examples of the satisfied and unsatisfied petitions to arrange a concert are presented (from the unpublished archival documents). On their basis it is possible to imagine those social realities in which it was necessary to operate to Russian musicians in a century before last, proving their right to a public recognition of their talents.

Keywords

Moscow concert life; concert management.

Концертная жизнь Москвы на протяжении XIX столетия развивалась неравномерно. Её течение во многом зависело не только от собственно музыкальных факторов, но и от внешних обстоятельств. Устройство концертов как вида публичной деятельности подчинялось сфере жёсткого государственного регулирования. Идеологическая подоплёка такого положения заключалась в отсутствии фактической свободы собраний, опасениях в возможности вольнодумства и распространения свободолобивых идей. Поэтому власть подвергала устройство любых публичных зрелищ тотальному полицейскому контролю.

Основы законодательства в этой сфере были заложены уже в конце XVIII века. Незначительной переработке юридические нормы, устанавливающие правовое поле публичных зрелищ, были подвергнуты в 1850-х, а затем в 1870-х и 1880-х годах. В окончательном своём виде они представлены в третьем издании Полного собрания законов Российской империи, т. 14, где изложены в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений. Приведём выдержки из него, позволив себе небольшие комментарии:

«Ст. 135: Запрещается без дозволения полиции чинить в городе или вне его общенародные игры или забавы и театральные представления.

Ст. 138: Полиция, в случае просьбы о дозволении учинить игры <...> и театральные представления, если не находит в том ничего противного закону или вреда общего или частного, то даёт дозволение и назначает день и час, когда начать.

Ст. 140: Плата за места <...> назначается с разрешения полиции. Без платы никто не может требовать входа; представления начинаются в назначенный час, не дожидаясь никого».

Эти основополагающие «драконовские» статьи, требующие неременного разрешения от местного полицейского начальства, трактовались предельно расширительно. Несмотря на отсутствие в тексте закона слова «концерты», они также подпадали под действие этих статей.

О публичных маскарадах и спектаклях:

«Ст. 145: Запрещены публичные маскарады и зрелища (спектакли) 23, 24, 25 декабря, на канун Богоявления Господня, в весь Великий пост, в неделю святой Пасхи, в Успенский пост, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, в день Воздвижения Креста Господня»¹.

Статья эта складывалась из постановлений 1796, 1833, 1875 годов и претерпевала некоторые изменения. Она была отменена по продолжению 1879 года добавлением примечания к ней, в котором сказано: спектакли как на императорских, так и на провинциальных театрах допускаются в Великом посту, за исключением первой и последней недели. Затем 21 сентября 1881 года Высочайшим повелением она была восстановлена в прежней силе; и снова были запрещены спектакли и публичные зрелища (кроме драматических представлений на иностранных языках) 23, 24, 25 декабря, на канун воскресных дней, двенадцати праздников и дня Усекновения главы Иоанна Предтечи, в течение всего Великого поста и в неделю святой Пасхи.

О публичных концертах:

«Ст. 146: Воспрещается давать публичные концерты как светские, так и духовные на первой и страстной неделе Великого поста, на канун Благовещения, в вербные субботу и воскресенье. По другим же субботным дням, как Великого поста, так и во весь круг года, а равно на кануны двенадцати праздников дозволяются лишь духовные публичные концерты.

¹ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Издание 1890 года. Т. XIV. СПб., 1890. С. 24–25.

Примечание: Публичными концертами надлежит почитать не только те, которые даются за установленную при входе в оные плату, но и все, для коих на основании ст. 135 нужно дозволение полиции.

Ст. 147: В духовных публичных концертах исполняется одна духовная музыка, а в светских все другие; посему смешение духовной музыки со светской не допускается»¹.

Эти две статьи складывались в 1852–1854 годах в основном с подачи Дирекции императорских театров. Высочайшим указом императора в 1852 году сначала были запрещены ранее дозволявшиеся концерты по субботам, как в течение Великого поста, так и во весь год, правда, позже это предписание было смягчено, и по субботам дозволялись духовные концерты. Итоговым для того этапа развития правовой системы, касающейся концертов, стали Правила от 7 марта 1854 года о публичных маскарадах, концертах, балах с лотереями и других увеселениях в столицах. В них регулировалось даже количество концертов и маскарадов, даваемых клубами и частными лицами. Особенно строго относились к маскарадам, как более «зрелищному» мероприятию:

«§ 2. По особым увеселениям дозволяется С.-Петербургскому и Московскому Благородным собраниям на основании их уставов давать для членов и гостей до 6 маскарадов в год в Москве преимущественно по вторникам, в другие же дни по согласованию Дирекцией, а в С.-Петербурге каждый раз по сношению с оной.

§ 3. Клубы и другие подобного рода собрания могут, с дозволения Правительства, давать маскарады публичные для членов своих и гостей в дни, по обоюдному с Дирекцией театров соглашению, но с платежом в доход оных четвёртой части от наличных сборов»².

В Уставе 1857-го, а затем 1876 года издания были ещё три дополняющие 146-ю статьи, которые были дезавуированы в 1882 году в связи с отменой монополии Дирекции императорских театров:

«Ст. 165: Публичные концерты, кроме даваемых от Дирекции театров, допускаются, с её разрешения, от благотворительных обществ и заведений, Дворянских собраний и от артистов: певцов, певиц, капельмейстеров, репетиторов и вообще музыкантов.

¹ Свод законов Российской империи... Издание 1890 года. Т. XIV. СПб., 1890. С. 24–25.

² Выдержки приводятся по докладной записке Управляющего конторой императорских театров от 11 февраля 1861 года за № 3884 (РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 4. Д. 406. Л. 276).

Ст. 166: Для назначения публичных концертов в каждом году определяется преимущественно Великий пост, кроме дней, означенных в ст. 156 [по более новому изданию, см. выше — 146].

Ст. 167: По особым уважениям к тем из благотворительных обществ, а равно иностранным певцам и музыкантам, известным по своим дарованиям и искусству, или признанным таковыми Дирекцией императорских театров, которые по обстоятельствам не могли бы дать свои публичные концерты в Великом посту, дозволяется давать оные на Святой неделе и в период времени от 1 октября до начала святок, в дни по соглашению с Дирекцией театров, вечерами, когда не бывает на театрах представлений и в течение дня, до начала спектаклей»¹.

Статья 167 особенно интересна. В ней признаётся ряд исключений из общего правила, поскольку гастрольная практика настоятельно этого требовала. Это «расширение» толкования закона было слабой лазейкой, потихоньку расшатывавшей строгие установления государства.

Важным пунктом является и Примечание к статье 146, определяющее статус публичного концерта. Он сформулирован не совсем чётко, кроме того, не даёт разграничения «семейных», клубных вечеров «для своих» или по приглашению члена Общества, и публичных концертов. Подобная двусмысленность в законе порой играла на руку властям, порой — обществу. Именно этой лазейкой воспользуются организаторы Русского музыкального общества, чтобы не выпрашивать каждый раз разрешения на свои концерты у Дирекции императорских театров и полиции. Однако в 1881 году чиновники Министерства Императорского двора наведут порядок, разослав следующее разъяснение:

«Министерство Императорского двора. Отделение петербургской кассы предварительного контроля в Москве. (?) Февраля 1881

Статс-секретарь барон Кистер в предложении от 11 декабря 1880 за № 4280, данном на имя Дирекции императорских театров, объяснил следующее:

1. Что существующие в С.-Петербурге и Москве клубы и другие собрания: давая в своих помещениях полные драматические спек-

¹ Выдержки приводятся по справке, подготовленной канцелярией Московского генерал-губернатора в 1881 году (ЦИАМ, ф. 16. л. 26. д. 854. Об устройстве МО ИРМО симфонических вечеров по субботам. Л. 4–5).

такли, допускают на оные публику, в виде гостей по рекомендации членов, в неограниченном числе и с известною платою, определяемою клубами и собраниями, и об этих спектаклях постоянно публикуют в газетах вопреки Высочайшему повелению, последовавшему в 1862 г., которым воспрещены в столицах частные спектакли с платою за вход и с объявлением в афишах.

2. Его Сиятельство Министр Императорского двора предложением на имя Дирекции императорских театров от 21 октября 1874 № 4029 изволил разрешить всем клубам и собраниям в столицах устраивать исключительно для своих членов и их семейств семейно-музыкальные вечера и спектакли без объявления о них в афишах и газетах и без права взимать особую плату за вход.

Ввиду вышеизложенного господин Министр Императорского двора изволили приказать взимать со всех клубов и собраний в столицах плату в доход Дирекции императорских театров по соглашению с нею».

(Далее следует разъяснение, что в Артистическом кружке, театрах Немчинова и Секретарёва по-прежнему даются такие вечера — следовательно, их надо признать публичными и испрашивать разрешения как на публичные. Что касается семейно-музыкальных вечеров в Дворянском клубе, то их можно давать на прежних условиях, но артисты Императорских театров смогут участвовать в них только с разрешения начальства.)

П. Кавелин»¹.

Процедура получения разрешения на концерт на протяжении почти всего XIX столетия не менялась. Желаящие дать концерт артист, или его антрепренёр, или некая организация, или частное лицо, предварительно получив визу от Дирекции императорских театров, подавал прошение в канцелярию московского генерал-губернатора (где потом по цепочке запрашивались сведения у полицмейстера о благонадёжности данного лица). Разрешения выдавались не всегда, даже если были соблюдены установленные законодательством условия. Особенно трудно было добиться разрешения на организацию концертов в частном доме. Приведём образец прошения, сохранившийся в канцелярии московского генерал-губернатора и являющийся скорее исключением, потому что разрешение на концерт было дано — 21 октября 1802 года Иваном Петровичем Салтыковым — тогдашним военным губернатором Москвы:

¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 26. Д. 832. Л. 68.

«Ваше Превосходительство

Нижеподписавшийся просит всепокорнейшее Вашего Превосходительства позволить ему давать приватные концерты в квартире своей. Оные концерты составлены будут из любителей музыки благородных особ, которые меня об этом просили и удостаивают меня своим посещением, играя в концерте моём с детьми своими, могут чрез оно получать особливую к сей науке охоту. По окончании концерта позволить им с танцмейстером своим танцевать.

Иосиф Гец,

первая скрипка при Московском театре»¹.

Во второй половине столетия порядок дел не сильно изменился. Вот ещё одно удовлетворённое прошение, относящееся уже к 1861 году:

«Московскому Военному Генерал-Губернатору, Господину Генерал-Адъютанту и Кавалеру Тучкову

Начальника Московского Крепостного Артиллерийского округа генерал-лейтенанта Попова

Рапорт.

Бесплатная Воскресная школа, учреждённая при состоящей под моим начальством Артиллерийской Окружной, нуждается в средствах для приобретения различных учебных пособий и вознаграждения учителям. Некоторые артисты Московских театров, литераторы и любители изъявили желание дать 17 Декабря сего года литературно-музыкальное утро в пользу этой воскресной школы, на что и имею честь просить разрешения Вашего Высокопревосходительства.

Генерал-лейтенант Попов

№ 2489

10 декабря 1861 г.

г. Москва»².

Поскольку испрашиваемая разрешение организация была военной, то есть, с одной стороны, более строго контролируемой, с дру-

¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1806. О просьбе иностранца Геца разрешить ему давать приватные концерты в своей квартире. Л. 3. Перевод квартального надзирателя (подпись неразборчива); оригинала на иностранном языке в деле нет.

² ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 23. Д. 2006. О разрешении провести литературно-музыкальный утренник в пользу Воскресной школы. Л. 1 — 1 об.

гой — привыкшей к дисциплине, к рапорту была приложена программа предполагаемого вечера. Это большая удача для исследователя, поскольку обычно таких подробных сведений о концерте не всегда можно получить даже из афиш того времени:

«В Воскресенье 17 Декабря сего года в зале Благородного собрания имеет быть дано литературно-музыкальное утро, в котором примут участие гг. Рубинштейн, Кламрот, Дробиш, Шумский, Садовский, Самарин, Щепкин, Островский, Плещеев и г-жа Вальзек.

Программа:

Отделение 1.

Гг. Рубинштейн, Кламрот и Дробиш исполняют Трио d-moll — Allegro — соч. Мендельсона-Бартольди.

Г. Щепкин прочтёт стихотворение «Пустка» соч. Шевченко.

Г. Шумский прочтёт сцены из драмы «Жертва за жертву» соч. Дьяченко.

Г. Плещеев прочтёт стихотворение «Дети» своего сочинения.

Г. Щепкин прочтёт стихотворение из водевиля «Жакардов станок».

Г-жа Вальзек исполнит арию из оперы «Волшебный стрелок» соч. Вебера.

Отделение 2.

Гг. Рубинштейн, Кламрот и Дробиш исполняют Трио d-moll — Andante, Scherzo et Finale соч. Мендельсона-Бартольди.

Г. Самарин прочтёт стихотворение «Урок» Беранже.

Г. Садовский прочтёт рассказ Успенского.

Г. Плещеев прочтёт отрывок из поэмы «Саша» соч. Некрасова.

Г. Островский прочтёт сцены из пьесы своего сочинения.

Г-жа Вальзек исполнит вальс соч. Венцано.

Акомпанировать на фортепиано будет Н. Г. Рубинштейн.

Начало в час пополудни.

Цена билета нумерованного 3 руб. сереб[ром], ненумерованного — 1 руб. 50 коп. сереб[ром]»¹.

В Центральном историческом архиве Москвы сохранилось множество прошений, относящихся к 1880–1890 годам. Их податели — как обычные любители музыки, так и выдающиеся деятели отечественной культуры. Выберем несколько интересных разрешений на концерты. Среди положительно решённых дел — прошение С. И. Танеева

¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 23. Д. 2006. О разрешении провести литературно-музыкальный утренник в пользу Воскресной школы. Л. 2 — 2 об.

на концерт в марте 1881-го в Благородном собрании в пользу недостаточных студентов московского университета, в котором должен был участвовать Н. Рубинштейн; из-за скоропостижной смерти Николая Григорьевича концерт не состоялся¹. Есть и прошение солиста Давыдова и профессора Сафонова разрешить им устроить 22 января 1889 года в Благородном собрании утро классической камерной музыки, бесплатно, для учащихся². А вот прошение ученицы Музыкально-драматического училища Филармонического общества пианистки Фрумы Непомнящей о платном концерте 9 декабря 1889 года в клубе врачей. В деле содержится и рекомендация директора училища П. А. Шостаковского, в которой сообщается, что «Фрума Непомнящая имеет большой талант и отсутствие всяких средств к жизни»³.

Конечно, далеко не все ходатайства оканчивались благополучно. В приведённых ниже архивных источниках мы видим основную причину отказа: политическую неблагонадёжность просителя.

Так, на прошение Иосифа Абрамовича Левина⁴ устроить в зале Собрания врачей на Б. Дмитровке в доме барона Шеппинга 4 ноября 1889 года музыкально-вокальный вечер с танцами последовал решительный отказ. В рапорте по этому поводу московского обер-полицмейстера от 23 октября 1889 года говорится: «Принимая во внимание еврейское происхождение просителя, в виду циркуляра Департамента полиции от 12 мая 1889 года (Циркуляр МВД от 12 мая 1889 № 1425, который издан, главным образом, по поводу снабжения еврейской молодёжи средствами для образования, именно посредством разных благотворительных спектаклей и других зрелищ. — **Е. Ш.**), музыкально-вокальный вечер ему не разрешать»⁵. Интересно, что Прошение Левина полугодовой давности, ещё до пресловутого Циркуляра, устроить там же подобный вечер не встретило препятствий. В рапорте московского обер-полицмейстера сообщается:

¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 26. Д. 832. Л. 38.

² Там же. Оп. 123. Д. 1. Л. 59.

³ Там же. Т. 11. Л. 30, 64.

⁴ Иосиф Абрамович Левин — однофамилец знаменитого пианиста Иосиф Александровича Левина. О нём известно, что «проситель живёт вместе с отцом своим, платя за квартиру 20 р. в месяц, занимается настройкой и починкой музыкальных инструментов, чем и зарабатывает себе пропитание» (ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 123. Д. 1. Т. 3. Л. 74).

⁵ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 123. Д. 1. Т. 9. Л. 21.

«Вечер этот Левин предполагает дать с участием учеников консерватории и частных артистов; поведения и образа жизни он одобрительных и препятствий к удовлетворению означенного ходатайства не встречается»¹.

За сухими строками документов — реальные судьбы людей, чьи если не судьбы, то карьерные устремления и возможности самореализации были реально ограничены несвободой общественно-правового устройства государства. Такого рода свидетельства дают возможность наглядно представить те социальные условия, в которых приходилось жить и работать выдающимся русским и зарубежным музыкантам, реализовывая своё право на творчество и публичное признание. В то же время тут есть над чем подумать и в контексте современной российской истории. Жёсткий контроль со стороны государства, боящегося инакомыслия и стремящегося оградить своих «неразумных» подданных от всякого проявления гражданской активности, пускай даже выраженной такой «безобидной» инициативой, как устройство академического концерта, — к сожалению, реалии не только нашего далёкого прошлого...

Библиография

1. РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 4. Д. 406. Л. 274.
2. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Издание 1890 года. Т. XIV. СПб., 1890.
3. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1806. О просьбе иностранца Геца разрешить ему давать приватные концерты в своей квартире.
4. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 23. Д. 2006. О разрешении провести литературно-музыкальный утренник в пользу Воскресной школы.
5. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 26. Д. 832. Л. 68.
6. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 26. Д. 854. Об устройстве МО ИРМО симфонических вечеров по субботам.
7. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 123. Д. 1.
8. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 123. Д. 1. Т. 3.
9. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 123. Д. 1. Т. 9.
10. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 123. Д. 1. Т. 11.

¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 123. Д. 1. Т. 3. Л. 74.

*ЮДИН Михаил Олегович,
старший научный сотрудник отдела
металла и камня, Всероссийский музей
декоративно-прикладного и народного
искусства*
m_judin@mail.ru

**«Первый в ряду своих собратьев».
К 180-летию со дня рождения
П. А. Овчинникова / «The first among
the fellows». By the 180-th birthday
of P. A. Ovchinnikov**

Аннотация

В 2010 году исполнилось 180 лет со дня рождения основателя всемирно известной русской ювелирной фирмы П. А. Овчинникова. Бывший дворовый человек князей Волконских Павел Овчинников смог не только освободиться от крепостной зависимости, но и стать купцом 1-й гильдии, заслужить звание мануфактур-советника, потомственного почётного гражданина города Москвы, в течение 12 лет избираться гласным Московской городской думы. Основанная им фирма стала одним из ведущих предприятий мировой золото-серебряной промышленности. Деятельность именно этого предприятия во многом предопределила небывалый подъём русского ювелирного искусства во второй половине XIX — начале XX века.

Ключевые слова

Павел Овчинников; русский стиль; благотворительность; московское купечество.

Annotation

This year it is 180 years since the birth of Pavel Akimovich Ovchinnikov, the founder of the world-famous Russian jeweller's company. Pavel Ovchinnikov was a house-serf of Volkonsky Princes in the past. He could not only be free from serfdom, but became a first Guild merchant, deserved the title of the Manufacturing Advisor and hereditary honorary freeman of Moscow. Also he was elected by the vowel of the Moscow City Duma for 12 years. He founded the firm, which became one of the leading companies all over the world gold-silver industry. The activity of this firm has largely predetermined an unprecedented rise of Russian jeweller's art at the turn of the XIX–XX century.

Keywords

Pavel Ovchinnikov; Russian style; charity; Moscow merchant.

Павел Акимович Овчинников родился 23 июня 1830 года в семье крепостных крестьян князя П. М. Волконского. Увидев в мальчике «замечательные способности к рисованию»¹, князь отправил его для обучения в Москву. Здесь Павел Овчинников вместе со своим братом Алексеем стал совершенствоваться «по серебряному и боголепному делу».

В 1853 году² он открыл собственную небольшую мастерскую, а через 4 года смог освободиться от крепостной зависимости и показать доход, позволяющий стать московским купцом 3-й гильдии. В 1865 году по сведениям «Указателя Московской выставки мануфактурных произведений», оборот его фабрики доходил уже до 300 000 рублей³. Эта выставка стала первой, в которой Овчинников принял официальное участие. По её итогам фирма получила малую золотую медаль и звание поставщика Двора Наследника Цесаревича Александра Александровича. Кроме того, по настоянию «движимого благородным чувством признательности» хозяина фабрики были награждены сотрудники фирмы, способствовавшие его успеху⁴.

¹ Русский биографический словарь. Т. 12. СПб., 1905. С. 83.

² Именно эту дату указывал фабрикант во всех официальных документах.

³ Указатель V Московской выставки русских мануфактурных произведений 1865 года. М., 1865. С. 54.

⁴ Серебряные медали для ношения на груди на ленте ордена Св. Станислава получили скульптор фирмы Александр Жуковский и эмальер Егор Диллендорф.

Этот поступок молодого экспонента также принёс ему дополнительную известность и уважение коллег. Даже через 31 год после этого события автор «Указателя выставки в Нижнем Новгороде», анализируя золото-серебряное производство в России за последнее столетие, посчитал необходимым упомянуть об этом факте из биографии купца, как о «не совсем обычном в классе наших фабрикантов»¹.

Столь же «необычными» оставались взаимоотношения Павла Овчинникова со своими работниками и дальнейшим. Его талант предпринимателя проявлялся прежде всего в том, что отношения эти он старался строить на взаимовыгодных условиях. Из многочисленных восторженных отзывов в прессе и из написанной самим Овчинниковым книги² мы узнаём, что на его фабрике были установлены следующие правила. Мастер, проработавший «честно и непорочно» 10 лет, записывался на открыто вывешенную на фабрике мраморную доску и получал ежегодно сверх установленной платы ещё 10% от оклада, проработавший 15 лет — 15%, 20 лет — 20% и т. д. Вознаграждение это выдавалось пожизненно, даже в том случае, если мастер покинул фабрику, при условии, что он не переходил при этом работать к другому хозяину.

Подобное правило было, безусловно, выгодно для рабочих, но учитывал фабрикант при этом и свои интересы, и если пользующийся такой надбавкой не являлся на работу хотя бы один день без уважительных причин, то он лишался её в размере месячного исчисления.

Кроме того, эти правила помогали Овчинникову решить стоявшую перед многими серебряниками проблему текучести кадров. Известен эпизод, когда он сам готов был оплатить долги своих новых мастеров Петра Дмитриева и Фёдора Ларионова их бывшим хозяевам.

Факт перехода к Овчинникову мастеров с других фабрик отнюдь не случаен. На своём предприятии он стремился создать максимально комфортные условия для их работы. В своей книге Овчинников не без гордости отмечает, что устройство фабричных помещений «...вполне соответствует потребностям рабочих... чистотой, доста-

¹ Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. М., 1896. С. 18.

² Овчинников П. А. «Некоторые данные по вопросу об устройстве быта рабочих и учеников на фабриках и в ремесленных заведениях». М., 1881.

точностью количества света и воздуха, освежаемого постоянно посредством вентиляции»¹. Подобная ситуация, даже в «элитной» золото-серебряной промышленности во второй половине XIX в., была скорее исключением. Неслучайно одним из основных требований во время забастовок на ювелирных предприятиях в 1912 г. было создание приемлемых условий труда, заключавшихся именно в том, о чём писал Овчинников за 30 лет до этого.

Не менее важными, чем комфортные физические условия, были условия моральные, та поистине уникальная для своего времени обстановка, которая царила на фабрике Овчинникова. Характерен эпизод, о котором вспоминал духовник Павла Акимовича, настоятель церкви Воскресения в Гончарах В. Т. Терновский. В годы русско-турецкой войны, когда золото-серебряная промышленность России переживала не лучшие времена, на предприятиях «по недостатку дела» прошли массовые увольнения. При этом из мастеров, работавших с Овчинниковым, не пострадал никто. Собрав всех сотрудников фабрики, хозяин объявил: «Будьте покойны, дети: с вами я наживал моё состояние, с вами же буду и проживать его». «Об этих словах, — подчёркивал священник, — никогда не забудут слышавшие их! Эти великодушные слова записаны на небесах и исходят от почившему от Господа венец оправдания».

Но не только на небесах воздалось купцу за его поступок. Это время, несмотря на неблагоприятные условия, стало периодом расцвета фирмы Овчинникова. Награды за участие в российских и международных выставках, знаки внимания со стороны российской императорской фамилии и дворов европейских монархов сочетались с многотысячными заказами. Всё это позволило фирме не только выжить, но и стать одним из самых коммерчески успешных предприятий в своей отрасли. Несмотря на более высокие, чем у конкурентов, цены, что неоднократно отмечалось в прессе, продукция Овчинникова пользовалась неизменным спросом.

Неслучайно магазины, открытые им в 1868 году в Москве и в 1874 году в Петербурге, стали местом едва ли не обязательного посещения большинства официальных делегаций, прибывающих в столицы. Связано это не только с известностью фабриканта на международной арене, но и с ассортиментом его изделий. Именно фирма Овчинникова наиболее полно и последовательно разрабатывала

¹ Овчинников П. А. «Некоторые данные...» С. 21.

в своих произведениях русский стиль. Эти изделия принесли предпринимателю заслуженную международную славу. В разные годы он был удостоен: австрийского ордена Железной короны (1874), французского ордена Почётного Легиона (1878) и черногорского креста Св. Даниила (1881), заслужил звание поставщика короля Италии (1874) и Датского королевского двора (1888).

Изделия в русском стиле олицетворяли собой самобытность отечественного искусства, и лишь они воспринимались на зарубежном рынке как подлинно русские. Национальное своеобразие, оригинальность и непохожесть на искусство других стран являлись основными критериями оценки качества экспонатов на всемирных выставках. Осознав это, Овчинников смог прочно занять данную нишу и стать одним из законодателей мировой моды на произведения в русском стиле. Со временем имя фабриканта начало неразрывно ассоциироваться с русским стилем в ювелирном искусстве, и даже в изделиях фирмы, выполненных в других стилях, современники искали и находили черты «русскости».

Повышенный интерес к произведениям золото-серебряной промышленности, характерный для периода историзма, подразумевал их пристальное изучение, внимание к деталям, орнаменту изделий, поиск заимствований из искусства предшествовавших эпох. И здесь произведения Овчинникова также отличались в лучшую сторону от вещей его конкурентов. Критики не раз отмечали в его изделиях тщательнейшую проработку всех даже самых незначительных деталей. Так, описывая представленные Овчинниковым на московской выставке 1865 г. оклад или Евангелие, особое внимание современник уделял бордюрам этих предметов, видя в них, при общем недостатке «художественности», «честь и славу» произведения.¹

Если в ранних изделиях фирмы критики ещё указывали на недостаточную «художественность», то в дальнейшем даже прямые конкуренты вынуждены были признать, что Овчинников «неоспоримо занимает первое место в ряду своих собратьев»². Причиной такого успеха во многом стало то, что фабрикант одним из первых начал привлекать к сотрудничеству профессиональных художников. В разные годы с ним работали И. Борников, В. Боровский, В. Васнецов,

¹ Русский ремесленник. — 1865. — № 9. — С. 276–277.

² Иллюстрированное описание Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года. СПб., 1870. С. 2.

Г. Гартман, Л. Даль, А. Жуковский, А. Захаров, С. Комаров, Е. Лансере, М. Микешин, И. Монигетти, А. Обер, А. Опекушин, Н. Султанов, Д. Чичагов.

При этом как человек, прошедший путь от ученика и подмастерья до хозяина предприятия, Овчинников понимал, что для изготовления качественного художественного изделия недостаточно только оригинального профессионально сделанного рисунка. Необходимо также умение мастера воплотить этот рисунок в материале. Поэтому особое внимание фабрикант уделял художественной подготовке и обучению своих мастеров и учеников, справедливо полагая, что именно это поставит его предприятие «на прочную и хорошую основу»¹.

В ноябре 1867 года в Набилковском доме призрения сирот² Овчинниковым были организованы «классы технического рисования, скульптуры и чеканного искусства в применении к металлическому делопроизводству». Важность этого события не только для фабриканта и Набилковского дома, но и для Москвы в целом наглядно демонстрирует состав его участников. При открытии «Овчинниковских классов» присутствовали: московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков, комендант П. П. Корнилов, городской голова А. А. Щербатов, обер-полицмейстер Н. У. Арапов, председатель Мануфактурного совета Ф. Ф. Рязанов, старшина купеческого сословия В. М. Бостанджогло и др.³ За устройство этих классов Овчинников был награждён золотой медалью «За усердие» для ношения на шее на ленте ордена Св. Владимира. При этом особо подчёркивалось, что фабрикант не только профинансировал открытие учебного заведения, но и взял на себя его содержание, а также принимал непосредственное участие в его деятельности.

В 1875 году Овчинников открыл школу уже при собственной фабрике. В это время наличие школы при ювелирной фирме уже не являлось единичным фактом. Учебные заведения существовали при предприятиях А. М. Постникова, И. С. Губкина, А. В. Лобанова и других фабрикантов, «заботящихся о будущности учреждения и ... как

¹ Овчинников П. А. «Некоторые данные...». С. 7.

² Находился под покровительством Московского попечительного о бедных комитета Императорского Человеколюбивого общества.

³ Московские ведомости. — 1867. — № 258 (25 ноября). — С. 3.

последствии сего собственной и общественной пользе»¹. Однако столь крупной, как у Овчинникова, школой (130 учеников при 300 рабочих) мог похвастать не каждый. Также в отличие от большинства других школ Овчинникову удалось и здесь создать во многом уникальные для своего времени условия обучения.

Для школы специально было построено двухэтажное здание, на верхнем этаже которого находилась спальня², а на нижнем — кухня, столовая, скульптурная, больница и комната для прислуги.

Последнее заслуживает особого внимания. Во время обучения ученики были освобождены от каких-либо «домашних работ», следя лишь за чистотой и опрятностью своей одежды. Не могли пользоваться их услугами и подмастерья. Все чёрные работы были поручены особым вольнонаёмным рабочим. Это выгодно отличало заведение Овчинникова от ряда ему подобных. На большинстве предприятий, как писал современник, существовал «какой-то странный договор, по которому мальчик служит сначала в заведении для всякого рода услуг, подметает пол и бегает за водкой, а потом в самые уже последние годы своего учения кое-как практически навыкает к своему делу»³.

Характерно, что, борясь с этим на своей фабрике, Овчинников не забывает упомянуть и о собственной выгоде хозяина, заключающейся в том, что «ученик всегда может выработать больше той платы, которую бы получал чернорабочий, а поэтому оказывается, что ученик, не исполняя домашней работы и, работая по ремеслу, принесёт больше пользы хозяину»⁴.

Вместе с тем «человеческое отношение к ученику», по мнению Овчинникова, должно было «привести мальчика к сознанию, что на него смотрят не как на ломовую силу, и что хозяин обставляет его всеми возможными заботами, которые так или иначе послужат ему краеугольным камнем на жизненном поприще»⁵.

Естественно, что подобные меры не могли не найти отклика со стороны мастеров, работавших на предприятии Овчинникова. Добросовестное отношение к труду, сказавшееся на качестве изделий

¹ Овчинников П. А. «Некоторые данные...» С. 7.

² Ученики находились на полном пансионе.

³ Русский ремесленник. — 1865. — № 10. — С. 304.

⁴ Овчинников П. А. «Некоторые данные...». С. 12.

⁵ Там же. С. 18.

фирмы, практически полное отсутствие забастовок даже в самые «тяжёлые» времена наглядно свидетельствуют о том уважении, которым пользовался фабрикант среди своих рабочих.

Так же как и многие его современники, П. А. Овчинников стремился активно участвовать в жизни своего сословия и в городском самоуправлении. Свою общественную деятельность он начал с должности городского ценовщика в Управе Благочиния, которую занимал 1867 по 1869 г. Состоял он также агентом 2-го Сущёвского отделения попечительства о бедных в Москве, членом-благотворителем Московского попечительного о бедных комитета, выборным Московской купеческой управы.

На протяжении 12 лет (с 1877 по 1888 гг.) он избирался гласным Московской городской думы, активно участвуя в работе ряда её комиссий. Показательно, что, баллотируясь во второй раз в гласные Думы (1881–1884 гг.), Овчинников стал одним из четырёх кандидатов, прошедших по первой баллотировке с абсолютным большинством голосов. В третий раз (1885–1888), правда, уже при вторичной баллотировке, он получил наибольшее из всех кандидатов количество голосов.

Состоял он и в нескольких общественных организациях. Кроме уже упоминавшегося Императорского Человеколюбивого общества, Овчинников был действительным и «весьма полезным» членом Общества поощрения художеств. Принимал он «живое участие» и в деятельности Комиссии народных чтений, пожертвовав в 1874 г. вещи на сумму около 6000 рублей для украшения новой народной аудитории и внося ежегодно по 300 рублей для премии за лучшее народное чтение. Фабрикант неоднократно предоставлял свои изделия в качестве призов для различных благотворительных лотерей¹.

За свою деятельность П. А. Овчинников был награждён пятью российскими орденами, до ордена Св. Владимира 3-й степени включительно, удостоен звания мануфактур-советника, являлся потомственным почётным гражданином г. Москвы.

Однако гораздо важнее официального признания заслуг фабриканта стала память, которую оставил Павел Акимович своей

¹ Только в 1868 г. им было предоставлено 136 предметов-призов лотереи Общества для поощрения трудолюбия и 280 вещей для лотереи Никольской общины сестёр милосердия.

деятельностью по «поднятию и обновлению рабочего населения»¹. Неслучайно серебряный венок, возложенный на могилу купца его рабочими, украшала надпись: «Беспримерному хозяину от мастеров его фабрики».

Библиография

1. Иллюстрированное описание мануфактурной выставки 1870 года. № 1–2. СПб., 1870.
2. История Москвы с древнейших времён до наших дней. Т. 2. М., 1997.
3. Московские ведомости. — 1867. — № 258 (25 ноября).
4. Овчинников П. А. Некоторые данные по вопросу об устройстве быта рабочих и учеников на фабриках и в ремесленных заведениях. М., 1881.
5. Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. М., 1896.
6. Русский биографический словарь. Т. 12. СПб., 1905.
7. Русский ремесленник. — 1865. — № 9.
8. Русский ремесленник. — 1865. — № 10.
9. Указатель V Московской выставки русских мануфактурных произведений 1865 года. М., 1865.

¹ Овчинников П. А. «Некоторые данные...» С. 23.

АСПЕКТЫ

*ИВАНЬКО Наталья Анатольевна,
кандидат философских наук,
кафедра философии, Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
natalya-ivanko@yandex.ru*

Социокультурная идентичность современного российского общества / Socio-cultural identity of modern Russian society

Аннотация

Социокультурная идентичность современного российского общества рассматривается в контексте двух отличительных характеристик современности — динамизма и нестабильности. Показана связь между кризисом идентичности и процессами модернизации, разрушающими традиционную социальную структуру. В современном российском обществе наблюдается тенденция консолидации на основе новой национально-цивилизационной идентичности вокруг общегражданских ценностей, основанных на идеях социальной ответственности и прогресса. Процессы формирования новой социокультурной идентичности России наиболее органичны во взаимодействии с мировым сообществом.

Ключевые слова

Социокультурная идентичность; социокультурная динамика; российское общество; кризис идентичности; модернизация; глобализация.

Annotation

The socio-cultural identity of contemporary Russian society is being considered in the context of two distinctive characteristics of modernity —

the dynamism and instability. The author shows the link between the crisis of identity and the modernization process, destroying the traditional social structure. In modern Russian society there is a trend of consolidation on the basis of new national and civilizational identity, with civil values, based on the idea of sociality and progress. Processes of formation of new social and cultural identities in Russia are the most organical in collaboration with the international community.

Keywords

Socio-cultural identity; social and cultural dynamics in Russian society; identity crisis; modernization; glocalization.

Динамика социальных процессов давно вышла за рамки национальных государств и представляет собой систему проблем всемирного масштаба. Отличительными чертами идентичности в современном мире являются динамизм и нестабильность. Социальная структура и идентичность обуславливают друг друга, поскольку социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой. Идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на данную социальную структуру, поддерживая и модифицируя её.

«Идентичность, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности, — отмечают П. Бергер и Т. Лукман, — подобно всякой субъективной реальности: она находится в диалектической взаимосвязи с обществом... Общества обладают историями, в процессе которых возникают специфические идентичности; но эти истории, однако, творятся людьми, наделёнными специфическими идентичностями»¹. Особенности социальных структур порождают особые типы социокультурных идентичностей. В основе существования и развития любой культуры, общества лежат базовые системы ценностей — выступающие связующим ядром культуры, а также связанные с ними традиции, нормы, правила, стандарты поведения, культурные коды, символы и образцы, формирующими единое поле культуры.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Перевод Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995. С. 279–280.

Специфика социокультурной идентичности — во взаимосвязи между индивидом и социальной структурой, которая выражает встроенность человека в социально конструируемые категории. Социальные идентичности и контриденности составляют систему координат, в которой находится социальная позиция индивида, отождествление человеком себя с некоторой общностью, определение того, кем «на самом деле» он является. Чтобы сделать такое заключение относительно самого себя, человек должен иметь представление о более и менее близких группах, составляющих общество, по каким правилам они живут, как к ним следует относиться»¹.

Во всём мире прослеживается тенденция к реставрации историко-этнических символов, местных традиций культурных особенностей, получившая название «глокализация», в котором Р. Робертсон объединил глобализацию и локализацию как единый процесс. Центр социальной активности перемещается в сторону локальных общностей, которые и становятся носители новой социокультурной идентичности. Локальные формы социальной самоорганизации опираются на традиционалистские компоненты идентичности. Растёт популярность образования на историческом языке, утратившем коммуникативные, но сохранившим идентификационные функции (этническая кухня, этностиль в одежде, в оформлении интерьеров, в архитектуре). Вместе с тем акцентирование местных культурных традиций нередко служит основой политического радикализма и поддержания негативной групповой идентичности, безоговорочно отрицающей инокультурный опыт.

Происходит усиление первичной идентичности, то есть тех устойчивых элементов культурных моделей, которые обычно описываются, как традиционалистские. Долгое время было принято считать, что традиционалистские ценности противостоят ориентациям на модернизацию. Однако социокультурная динамика снимает остроту этого противостояния: идентичность приобретает качественно иные характеристики. Переосмысливаются и приспособляются к новой реальности традиционные установки (например, религиозные ценности как потребность человека в устойчивых этических и нравственных ориентирах), которые способствуют социальной интеграции в модернизирующихся обществах.

¹ Климова С. Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. — 2000. — № 12. — С. 14.

Дискуссии о социокультурной идентичности России приобрели большую остроту и популярность вследствие череды социальных кризисов и модернизации. В результате разнообразных социальных трансформаций российского общества кризис идентичности приобрёл массовый характер, стал нормальным состоянием людей, которые ощущают неспособность справиться с внешними социокультурными изменениями, отсутствием жизненных моделей и сценариев¹.

В. Г. Федотова определяет идентичность как «смысл себя»: «Кризис российской идентичности состоит в потере этого смысла. Не готовая принять статус страны третьего мира ни геополитически, ни технологически, ни культурно, она не может экономически обеспечить себе ни статус Великой державы, ни статус зажиточной страны. Рецепты ищут в идеологии, национальной идее, в определении национальных интересов. Все эти верхушечные попытки остаются нереализованными, так как не затрагивают населения и не формируют ответа на вопрос о смысле существования России, о её идентичности»².

Современная социокультурная ситуация характеризуется действием двух тенденций: с одной стороны, унификации, с другой стороны, диверсификации культур, исследование которых на материалах современной отечественной культуры представляется чрезвычайно важным и актуальным. В этих условиях внимание исследователей обращено на основные каналы, проводники культурной глобализации и прежде всего на ценности, определяющие направление развития общества и культуры в целом, поскольку они являются социокультурным конструктом, функциональность которого определяется его смыслообразующим свойством, что позволяет характеризовать её в качестве критерия социокультурного упорядочивания человеческой жизнедеятельности³.

Кризис идентичности возникает, когда социально-структурные и этнические различия становятся препятствием на пути общенационального объединения и идентификации с определённой политичес-

¹ См.: Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М. : ИФ РАН, 1997. С. 60.

² Федотова В. Г. Глобализация и российская идентичность // Глобализация и перспективы современной цивилизации. М. : КМК, 2005. С. 163.

³ Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. — 1996. — № 4. — С. 20.

кой системой. Формирование новых социальных связей, выстраивающихся в рамках информационно-коммуникационных сетей, приводит к возникновению «проблемы идентичности». В случае успешного разрешения проблемы индивид освобождается от унаследованной или предписанной ему социальной роли, а поддержание идентичности превращается в процесс постоянной самоидентификации¹. Проблема идентичности рождается тогда, когда происходит разрушение старой социальной структуры. В этом случае необходимо задать вопрос об идентичности, т. к. более не существует очевидного ответа.

В. Хёсле утверждает, что сущностью кризиса коллективной идентичности является уменьшение идентификации индивидов с коллективной реальностью, которую они прежде поддерживали. В качестве главных факторов общекультурного кризиса идентичности человека можно назвать отрицание символов, распад коллективной памяти, представленной традициями, а также утрату веры в общее будущее, дисгармонию между описательным и нормативным образами «я», прерывность в истории, несоответствие между представлением культуры о самой себе и её образами в других культурах, чувство неполноценности относительно более совершенной культуры².

Кризис социальной идентичности современного российского общества был начат процессом «догоняющей» модернизации 1990-х годов. Социально-культурный конфликт между сторонниками модернизации и предпочитающими традиционалистские ценности стал доминировать над осознанием исторической общности. Оценивая неудачи очередной попытки модернизации, К. Костюк отмечает: «Переплетение старого и нового, традиции и новаций в социальной органике российского общества столь многообразно и сложно, что не позволяет применять стандартные модернизационные концепции к России»³. По словам С. Коэна, «Россия следовала по пути модернизации сверху в течение столетий. Иногда этот процесс шёл болезненно, иногда это была «модернизация через катастрофу».

¹ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Изд-во «Логос», 2002. С. 176–192.

² См.: Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. — 1994. — № 10. С. 112–123.

³ Костюк К. Н. Архаика и модернизм в российской культуре, <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html>.

Но никогда прежде результатом не становилось подобное возвратное движение вспять от современности».¹

Процесс разрушения традиционного общества получил развитие ещё в первой половине XX века. Возникший в результате в 20–50-е гг. XX века феномен «советского традиционализма» поглотил иные традиционалистские структуры. Либеральные реформы 1990-х, по мнению В. М. Межуева, были вызваны желанием российской элиты сменить свою идентичность стремлением внедрить заимствованную извне новую идентичность в сознание масс. Модернизация в виде реформ оправдывалась «не естественным желанием что-то изменить, улучшить, усовершенствовать в своей жизни, оставаясь при этом самими собой, а именно стремлением стать во всём другими, избавиться от чувства своей ущербности и неполноценности, чуть ли не уродства, возникающего при сравнении с другими современными странами и народами. Понятно, что соответствующие реформы, шедшие вразрез с образом жизни и менталитетом большинства, могли носить только принудительный характер»².

Последовавший кризис способствовал изменению парадигмы общественного сознания в сторону «неоконсерватизма». По мнению ряда исследователей, неоконсервативная волна является продуктом модернизации, когда общество на уровне ценностей адаптировало перемены к своей социально-исторической «органике».³ Приоритеты социальной идентичности формируются на общем социокультурном поле. Стратегия идентификационной ломки с ориентацией на радикальную «смену идентичности», избранная идеологами и практиками российских революций начала и конца XX в., целенаправленно разрушала условия такой преемственности.

Утрата целостности общества и его дезориентация стали неотъемлемыми чертами трансформирующегося социокультурного пространства, формирующегося в России. Перестали работать и исчез-

¹ Коэн С. Изучение России без России // Свободная мысль. — 1998. — № 9–12. — С. 28.

² Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». — 2009. — № 1. Философия. Политология. http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/#_ftn6

³ См.: Бызов Л. Г. Первые контуры постпереходной эпохи // Социс. — 2001. — № 4. — С. 3–15.

ли традиционные культурные коды, не стали обеспечивать комфортность и адаптивность личности профессиональные, культурные, экономические идентификации. Возникающие новые идентичности не обеспечивали личности целостности, благополучия, полноценности социальной и культурной жизни, а наоборот, усиливали кризис идентичности. Разрыв привычных социальных связей и подавление личности обернулись утратой традиций, составлявших уникальный ресурс национального развития. С распадом советской общности, державшей под спудом этнические, конфессиональные и культурные различия, на постсоветском пространстве возобновились разнонаправленные социокультурные процессы. Важнейшим фактором формирования новой социокультурной идентичности стал рост религиозного сознания и активности религиозных общин.

Кризису социальной идентичности российского общества способствовали:

— деформация цивилизационной компоненты идентичности, переоценка роли и значимости русского этноса в новом мировом процессе;

— трансформация социальной структуры привела к размыванию социальной и профессиональной идентичности, внедрению мотиваций, не свойственных соответствующим социальным группам;

— разрыв между поколениями;

— атомизация общества, развитие локальной идентичности.

Сторонники современного евразийства считают, что угрозой национальной идентичности России стал вызов Запада в виде всепроникающей модернизации, подрывающей основы культуры и морали общества. Россия будущего предстаёт как лидер «глобальной мироустроительной альтернативы Западу»¹.

Вместе с тем следует признать, что в советский и постсоветский периоды в народном сознании произошёл коренной сдвиг, проявившийся в отторжении большинством россиян традиционных представлений о самобытности России, противопоставляющих её западной цивилизации². В современном российском обществе

¹ Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 272 с.

² Клямкин И. М., Кутковец Т.И. Русская самобытность. М. : Институт социологического анализа, 2000. С. 176.

просматриваются и тенденции, связанные с постепенным формированием новой российской национально-цивилизационной идентичности, основанной на ценностях, в целом согласующихся или коррелирующих с ценностями европейской цивилизации, и предполагающей европейскую самоидентификацию россиян как естественную составляющую. Перспективы формирования новой российской идентичности связаны прежде всего с интенсивным экономическим, политическим, культурным и информационным взаимодействием России с европейскими и другими культурно близкими странами. Несмотря на то что современная Россия по своей социально-культурной составляющей во многом вестернизирована, в качестве центра общенациональной идентичности по-прежнему выступает государство. В случае реализации таких тенденций в рамках новой российской идентичности скорее всего будут переплетаться как современные, так и традиционные или полутрадиционные ценности и стереотипы поведения при общем доминировании современных¹.

Анализ проблем российской идентичности даёт основание выделять именно её национально-цивилизационную составляющую как понятийное единство. Это связано с характером российской модернизации и разнонаправленными векторами трансформации социокультурной идентичности российского общества в условиях глобализации. С одной стороны, глобализация делает относительно прозрачными границы между нациями и государствами, ставит под вопрос прежнюю роль нации-государства и связанную с ним национальную составляющую идентичности. С другой стороны, та же самая глобализация, способствуя сближению и интеграции различных социальных и этнических общностей, усиливает потребность в определении своей культурной и цивилизационной идентичности. На это обстоятельство, в частности, указывал С. Хантингтон: «Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведёт к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации»².

¹ См.: Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация. М. : ИМЭМО РАН, 2008. 152 с.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. — 1994. — № 1. — С. 35.

В исторический период, характеризующий широко распространённым деструктурированием организаций, делегитимацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов. Проблемы идентичности и глобализации сегодня наиболее обсуждаемы, но изучение идентичности в контексте глобализационного процесса — достаточно ново и поэтому мало освещено в литературе. З. Бауман в своей новой книге «Индивидуализированное общество» пишет: «Наши зависимости сегодня полностью глобальны, а наши действия, однако, как прежде, локальны»¹. Символы социокультурной идентичности теперь формируются либо за пределами классического культурного наследия, либо путём перерождения узнаваемых культурных образов в продукт массового потребления. Так возникают гибридные культурные формы, образующие видимое пространство «глобальной культуры». Идентичность оказывается в центре стремительно меняющейся социокультурной реальности².

Два направления поисков идентичности — «единство в многообразии» и противопоставление групповых ценностей остальному миру — выражаются в конфликте между мультикультурализмом и этнонационализмом. Оба этих подхода могут определять культурную идентичность коллективных субъектов социального действия. Мультикультурализм как установка на поддержание единства этнически неоднородного общества предлагает модели социальных действий, ориентированные на свободу выражения культурного опыта. Параметры соответствующей политики задаёт государство, а реализуется она через механизмы управления различного уровня. Цель такой политики — обеспечивать сосуществование многообразных культурных, этнических и иных общностей посредством реализации социальных и культурных программ.

Формирование единого информационного пространства и универсализация потребительских стандартов не снимают проблемы поддержания социокультурного разнообразия в контексте идентичности. Многообразие современного социального опыта и возможностей выбора жизненных стилей и культурных моделей стимулирует

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Изд-во «Логос», 2002. С. 149.

² Там же. С. 176–192.

стремительный рост потребностей, равно как и расширение доступа к достижениям культуры не ведёт напрямую ни к увеличению их востребованности, ни к заметному прорыву в качестве образования.

Общим результатом стало разрушение морали и предельная индивидуализация человеческого существования, когда человек рассматривает в качестве субъекта лишь самого себя, полагая всех себе подобных не более чем частью враждебного объективного мира¹.

Вместе с тем растёт популярность альтернативных жизненных стилей, организуемых в рамках сложившихся социальных институтов. Быстрыми темпами идёт ассимиляция незападных культурных влияний, противостоящих постиндустриальной культуре. В основе сопротивления лежат представления о культурной несостоятельности мира глобального потребительства, а стратегической целью такого сопротивления провозглашается глобализация межкультурного диалога. Несмотря на сильнейшее испытание глобализацией национальной и культурной идентичности, основным средством его преодоления выступают диалог и преемственность культур.

Резюмируя, отметим, что в результате разнообразных социальных трансформаций кризис социокультурной идентичности российского общества приобрёл массовый характер. Попытки современного российского государства бороться за сохранение и воспроизводство общего для всей гражданской нации культурного пространства наталкиваются на сопротивление двух разнонаправленных векторов социокультурного развития: культурного и информационного глобализма, унифицирующего идентификационные образцы, — с одной стороны, и разложения гражданской (национальной) солидарности под напором особых притязаний этнических, религиозных, языковых, субкультурных сообществ — с другой. Важным источником утверждения культурных основ коллективной идентичности в мультикультурном мире по-прежнему остаются традиции, как воплощённые в социальном поведении глубинные черты национального самосознания.

Радикальное преобразование традиционных структур и принципов самоидентификации в конечном счёте ведёт к изменению идентичности всего общества и является одной из важнейших функций

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 26.

модернизационных перемен в развитии общества, наиболее адекватной формой которых на сегодняшнем этапе представляется модернизация, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации, но связанная с решением проблем различных стран собственными методами¹.

В условиях современной России процессы глобализации существенно модифицируют формирование национально-цивилизационной идентичности, во многом направляя его в новое русло, сталкивая идентичности разных уровней и создавая своеобразную «мозаичную» идентичность. Россия исторически сформирована как надэтническая и поликультурная общность, что позволяет говорить о её уникальности. Постепенная консолидация современного российского общества происходит вокруг общегражданских ценностей, основанных на совмещении идей прогресса и социальности.

Вслед за В. М. Межуевым приходится признать, что, лишь включившись в решение проблем глобального порядка, Россия сможет обрести новое дыхание, преодолеть поразивший её кризис, заявить о себе как о стране XXI века². Именно поэтому приоритетной становится переориентация интересов российского общества с модернизации на глобальное развитие, поскольку главной смыслообразующей новой социокультурной идентичности становится способность конкретного государства, страны или народа жить не только своей обособленной, но и всеобщей жизнью, выходить за рамки своего национального существования.

Библиография

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2002.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Перевод Е. Руткевич. М., 1995.
3. Бызов Л. Г. Первые контуры постпереходной эпохи // Социс. — 2001. — № 4.

¹ Федотова В. Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. — 2010. — № 10. — С. 12.

² Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации. // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». — 2009. — № 1. — Философия. Политология. http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/#_ftn6

4. Глобализация и перспективы современной цивилизации. / Отв. ред. К. Х. Делокаров. М., 2005.
5. Климова С. Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. — 2000. — № 12.
6. Клямкин И. М., Кутковец Т. И. Русская самобытность. М., 2000.
7. Костюк К. Н. Архаика и модернизм в российской культуре, <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html>.
8. Коэн С. Изучение России без России // Свободная мысль. — 1998. — № 9–12.
9. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. — 1996. — № 4.
10. Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». — 2009. — № 1. Философия. Политология. http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/#_ftn6
11. Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация. М., 2008.
12. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. — 1994. — № 1.
14. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. — 1994. — № 10.
15. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.
16. Федотова В. Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. — 2010. — № 10.
17. Федотова В. Г. Глобализация и российская идентичность // Глобализация и перспективы современной цивилизации. М. : КМК, 2005.

*КУЛИКОВ Евгений Михайлович,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный университет
sociograf@mail.ru*

**Социокультурные факторы генезиса слухов
(на примере сообщений о терактах
в Краснодарском крае в сентябре 2010 г.) /
Social and cultural factors of genesis
of hearsays (on an example of messages about
the acts of terrorism in Krasnodar territory
in September, 2010)**

Аннотация

В статье анализируется социокультурный комплекс факторов генезиса слухов в контексте сентябрьских событий в Краснодарском крае, когда население активно включилось в процесс передачи сообщений об угрозе терактов во время празднования Дня города в Армавире, Краснодаре и ряде других городов. Автор рассматривает изменения в духовной культуре информационного общества, создающие условия для функционирования слухов.

Ключевые слова

Слухи; мозаичная культура; опосредованная коммуникация; социокультурная система координат.

Annotation

In this article the social and cultural factors of genesis of rumours in a context of September events in Krasnodar territory is analyzed when the population has joined actively in a message transferring process about a threat of acts of terrorism during The City Day celebrating in

Armavir, Krasnodar and other cities. The author considers changes in spiritual culture of the information society, creating conditions for functioning of hearsays.

Keywords

Rumours; mosaic culture; the mediated communications; social and cultural system of coordinates.

Нынешняя ситуация в системе массовых коммуникаций современного общества отличается рядом характерных особенностей. Развитие науки и техники, внедрение новых форм и способов передачи данных значительно увеличили скорость передачи информации, а также привели к интенсификации процессов массово-коммуникативного воздействия. У аудитории появилась возможность обращаться к событиям в режиме реального времени, становиться их соучастниками. В целом соединение возможностей компьютера с сетями телекоммуникации «сжимает» время и пространство, уменьшает значение национальных границ, даёт индивидам ощущение приобщённости к некоторой глобальной общности. Ключевую роль в современной системе массовой коммуникации играет глобальная сеть Интернет. С каждым годом увеличивается численность её аудитории, упрощаются формы и способы подключения к Интернету. В результате прогресса коммуникативных технологий нивелируются пространственно-временные границы. Если прежде масштаб деятельности большинства традиционных СМИ определялся размерами страны, региона, населённого пункта, то сейчас аудитория Интернета расширилась до планетарных масштабов. В результате резко возросла скорость трансляции информации, однако, к сожалению, произошло ухудшение её качества, достоверности. В Интернете коммуникация часто выглядит неперсонализированной, обезличенной, соответственно, у части пользователей появляется соблазн передачи сообщений, носящих недостаточно достоверный, а иногда и откровенно ложный характер. При этом возможности государств в сфере контроля над Интернетом серьёзно ограничены, учитывая транснациональный и планетарный характер этого инновационного СМК. В данной статье хотелось бы остановиться на изменениях в социокультурной регуляции социума в связи с прогрессом коммуникативных технологий, что в свою очередь приводит к реактуализации слухов.

Исследователи констатируют серьёзные изменения в сфере духовной культуры общества, причём этот процесс перехода к глобальному информационному обществу начался на Западе ещё во второй половине XX века. В результате прогресса коммуникативных технологий меняется не только стиль жизни людей, но и их мировосприятие, система ценностей. Французский социолог А. Моль описал механизмы существования «мозаичной культуры». Возникающий новый тип культуры меняет мировоззрение, господствующие представления, картины мира людей. Вскрываются границы национальных культур, потоки информации позволяют индивидам приобщаться к культурам других народов, использовать какие-то их элементы.¹

Этот тип духовной культуры возникает под воздействием прогресса коммуникативных технологий и представляет собой неструктурированное «хранилище», мозаику различных сообщений СМК в сознании индивида. Человек всё чаще становится пассивным потребителем информации, проводя много часов подряд у телевизора, радио, читая газеты, журналы. В последние годы к этому перечню добавились Интернет, спутниковое телевидение, расширенные возможности мобильной связи.

Однако в данной ситуации стоит обратить внимание на одно обстоятельство: неструктурированный поток различных сообщений массовой коммуникации неизбежно будет актуализировать слухи. На первый взгляд, это утверждение выглядит парадоксальным. Казалось бы, у современного индивида имеется масса источников информации, и можно быстро и с лёгкостью перепроверить сообщения о падении биржевых индексов в Японии или начале боевых действий в Афганистане, сопоставив телевизионные, радиосообщения, купив свежие газеты, посетив сеть Интернет. Однако «мозаичная культура» часто играет с человеком злую шутку. Всё дело в том, что большинство индивидов не могут вспомнить точные формулировки принятых сообщений массовой коммуникации, которые «наслаиваются» в сознании людей, превращаясь в некий калейдоскоп.

В итоге сообщения причудливо трансформируются (эффект «испорченного телефона»), а затем передаются посредством горизонтальных коммуникаций в межличностном общении, в малых группах. Сообщение, теряющее стандарты достоверности, подвергающееся модификации, часто и называют «слухом». Например, В. В. Латынов

¹ См.: Моль А. Социодинамика культуры. М. : Прогресс, 1973.

определяет слухи как недостаточно проверенные сведения неизвестного происхождения, передаваемые в процессе межличностного общения.¹

Проводимые нами эмпирические социологические исследования аудитории массовой коммуникации показывают, что люди в подавляющем большинстве случаев не способны сколько-нибудь точно передать суть принятых 1–2 дня назад сообщений, указать источник (например, газета «Правда», телеканал «НТВ» и т. д.).

«Мозаичная культура» предполагает и изменения в межличностном взаимодействии людей. Прогресс коммуникативных технологий приводит к тому, что многие люди предпочитают непосредственному общению с глазу на глаз технически опосредованную коммуникацию. В результате опосредуются личные контакты индивидов, расширяется круг общения. С развитием коммуникаций, их доступностью для широких слоёв общества непосредственное общение («лицом к лицу») во многих случаях замещается контактами другого рода.

Интенсификация процессов опосредованного межличностного общения служит благодатной почвой для быстрого распространения непроверенной информации, особенно в тревожных, опасных ситуациях. Люди, утрачивая контакт «лицом к лицу», теряют и барьеры контроля над передачей сомнительной, непроверенной информации. Не стоит забывать и ещё один эффект: для индивидов, которые видят смысл жизни в интенсивном общении, просто необходимо находить новые темы для бесед, сенсационные, будоражащие новости. Они становятся похожими на представителей «жёлтой прессы», близкими им по духу. Этот сегмент общества часто выступает генератором различного рода слухов.²

Также известно, что возникновению слухов способствует неблагоприятная, тревожная обстановка в обществе, наличие различных социальных, экономических, политических проблем, напрямую затрагивающих жизнь множества граждан. В ситуации, когда жизнь и здоровье многих людей совершенно не гарантированы государ-

¹ См.: Латынов В. В. Слухи: социальные функции и условия появления // Социологические исследования. — 1995. — № 1. — С. 12.

² Куликов Е. М., Кубякин Е. О. Слухи как коммуникативный и социокультурный феномен современного общества. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2009. С. 34–38.

ством, они склонны верить слухам как едва ли не единственному достоверному источнику информации. Именно так происходит в современной России, население которой уже много лет живёт в постоянно страхе перед террористическими атаками, повторяющимися из года в год. Например, в 2010 г. всем запомнились мартовский теракт в московском метро и сентябрьский на рынке во Владикавказе, унёсшие много человеческих жизней. Если человек не чувствует себя в безопасности, он испытывает тревогу, страх. С помощью слухов люди часто контролируют угрожающие условия реальности. Разделив с другим свои тревожные опасения, человек получает эмоциональную разрядку.

Все вышеперечисленные факторы генезиса слухов нашли своё отражение в сентябрьских событиях 2010 г. в Краснодарском крае. Известно, что слухи о готовящихся терактах начали распространяться в Армавире, одном из крупнейших городов Краснодарского края, в середине сентября 2010 г. Среди распространяемых слухов была история о том, что в городском парке Армавира якобы был найден гроб с гвоздиками и запиской о том, что число жертв в День города будет равным числу цветов. Кроме того, говорилось и о различных надписях на стенах домов, также носящих угрожающий характер. Представители городского ГУВД информацию о возможном теракте и подозрительных находках не подтвердили. Затем волна паники перекинулась на Краснодар, причём слова о «гробе с гвоздиками» повторялись почти дословно.¹ Стало очевидным, что затем произошла модификация содержания слуха, вследствие эффекта «испорченного телефона». В результате в Краснодаре в преддверии празднования Дня города 24–25 сентября 2010 г. стали ходить слухи о том, что якобы возле администрации кто-то видел гроб, набитый уже гвоздями, а не гвоздиками. К гробу якобы прилагалась записка с сообщением о том, что в День города среди горожан будет столько же жертв, сколько гвоздей в этом гробу.²

Массовое распространение слухов об угрозе терактов спровоцировало панику среди части населения. Наиболее впечатлительные стали вести затворнический образ жизни, отказались от участия в праздничных мероприятиях, впали в депрессию. Естественно, правоохранительные органы и административные структуры были

¹ <http://www.yuga.ru/news/202456/> 25.09.2010.

² <http://www.kuban.aif.ru/crime/news/30951> 25.09.2010.

вынуждены работать в чрезвычайном режиме, учитывая состояние многих людей.

Мы можем констатировать, что распространение слухов об угрозе терактов в Краснодарском крае проходило по известной ещё с 2007 г. схеме, когда население ЮФО захлестнули слухи о мнимом взрыве на Волгодонской АЭС. Сначала пользователи Интернета муссировали данное сообщение на форумах, в чатах и блогах. В истерию включились и ряд онлайн-изданий. Затем слух из виртуальной реальности мигрировал в реальную повседневность. Люди стали общаться друг с другом посредством сотовых телефонов, а также «с глазу на глаз» (на улицах, остановках общественного транспорта, в общественном транспорте, магазинах и т. п.). Спираль панических настроений стремительно раскручивалась. Не стоит забывать, что в условиях информационного общества слухи резко увеличили скорость своего распространения. Расширенные возможности компьютерной коммуникации позволяют, например, охватить тревожными слухами население Краснодарского края в течение 2–3 дней, а в ряде случаев — и нескольких часов.

Слухи — такой же элемент системы массовых коммуникаций, как и СМК, только представляющий собой «теневой», неформальный рынок информации. Слухи, как и СМК, борются за вещательную инициативу, за то, чтобы донести до аудитории определённые оценки, интерпретацию событий. В отличие от СМК, слухи прочно интегрированы в систему «горизонтальных коммуникаций», они функционируют в большинстве случаев в процессе межличностного общения, обмена мнениями в малых группах.

Причём слухи вполне могут рассматриваться и как средство массово-коммуникативного воздействия. Это может быть актуально в ситуации искусственного создания и внедрения в массовое сознание слухов, а также при использовании коммуникаторами реально существующих слухов, которые затем модифицируются и усиливаются в нужном им направлении. В любом случае слухи могут выступать в качестве средства массово-коммуникативного воздействия, если имеет место целенаправленная деятельность по их созданию, распространению, использованию и т. д. ради достижения определённых эффектов массовой коммуникации. Вполне возможно, что события сентября 2010 г. в Краснодарском крае — атака информационных террористов, экстремистских групп, цель которых — дестабилизация обстановки в регионе или стране в целом.

Стоит констатировать, что сложившаяся социокультурная ситуация в информационном обществе способствует реактуализации слухов, этого древнейшего способа передачи информации. Возникновение мозаичного типа духовной культуры, информационная перегруженность аудитории, нивелирование пространственно-временных границ социума создают благоприятные условия для генезиса слухов, что ещё раз доказали события сентября 2010 г. в Краснодарском крае. В этой ситуации вызывает беспокойство защищённость населения от информационных рисков, состояние информационной безопасности. Сложившаяся социокультурная ситуация требует научного осмысления, однако реальность такова, что для противодействия слухам уже сегодня необходимы срочные мероприятия и апробированные управленческие модели.

Библиография

1. Куликов Е. М., Кубякин Е. О. Слухи как коммуникативный и социокультурный феномен современного общества. Краснодар, 2009.
2. Латынов В. В. Слухи: социальные функции и условия появления // Социологические исследования. — 1995. — № 1.
3. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
4. <http://www.yuga.ru/news/202456/> 25.09.2010.
5. <http://www.kuban.aif.ru/crime/news/30951> 25.09.2010.

*РОГОВА Евгения Евгеньевна,
доцент кафедры организационной
и прикладной психологии,
Южный федеральный университет
evgrogova@yandex.ru*

Рефлексия одиночества / Reflexion of loneliness

Аннотация

В статье рассматривается, как пути социально-философской мысли, утверждавшей общественный характер природы человека, постоянно и с самого начала переплетались с противоположной тенденцией — мотивами рефлексии одиночества, которая также присутствовала во всех исторических эпохах и дошедших до нас документах.

Ключевые слова

Душа; личность; религиозная культура; изолированность; отчуждение; саморефлексия; монада.

Annotation

The article considers how the ways of social and philosophic conception which stated social character of man's nature has been constantly and from the very beginning interlaced with opposite tendency — motives of loneliness reflexion which has also been presented in all historical epochs and documents that have come up to us.

Keywords

Soul; personality; religious culture; insulativity; estrangement; self-reflexion; monad.

Исследование истории философии и более широко — истории культуры на предмет обнаружения в них присутствия рефлексии одиночества сталкивается с рядом методологических трудностей. Главная из них состоит в том, что восприятие и само понятие одиночества эволюционировали вместе с эволюцией цивилизации. Мысли древних об изолированности человека в мире природы и мире других людей могут показаться современному читателю несколько архаичными и наивными. Но за устаревшей формой рефлексии между тем можно обнаружить устойчивую структуру чистого переживания одиночества, которое словно не изменилось за тысячелетия развития европейского сознания. Однако необходимо подчеркнуть, что речь не идёт о превращении всей истории этической мысли и культуры в собрание теорий одиночества. Это было бы, по существу, совершенно неправильной формулировкой задачи. Цель состоит в другом: показать, что пути социально-философской мысли, утверждавшей общественный характер природы человека, постоянно и с самого начала переплетались с противоположной тенденцией — мотивами рефлексии одиночества, которая также присутствовала во всех исторических эпохах и дошедших до нас документах.

В своё время ещё К. Юнг указывал на то, что античная мифология содержала в себе символическую идентификацию Прометея и одиночества¹. Согласно мнению швейцарского исследователя, похищение Прометеем огня означает шаг в направлении свободы и самосознания (просвещённой рефлексии). Однако боги имели власть покарать Прометея одиночеством. Он был прикован цепями к скале и забыт как богами, так и людьми. Коль скоро Прометей не принадлежал ни к богам, ни к смертным людям, он уже по своему первородству был обречён быть иным, не похожим ни на тех, ни на других — он маргинален и потому обречён быть носителем одиночества. Но трагедия Прометея состоит, в частности, и в том, что он осознаёт свою «инаковость», и это обозначает его одиночество. Он хочет быть другом людей и преподносит им тайну огня, фактически силу знания и познания, но не находит у смертных ни благодарности, ни понимания, ни тем более сочувствия.

В мифе о Прометее можно обнаружить черты вневременной трагедии одиночества, которое сопровождает всех, кто заявляет

¹ Введение в практическую социальную психологию. М. : Смысл, 2004. С. 156–157.

о своей индивидуальности, стремящейся найти самореализацию в служении общему, а не частному.

Сизиф — другой мифологический герой, ставший воплощением одиночества. Альбер Камю сделал анализ мифа о Сизифе одним из центральных пунктов своей философии. Осуждённый богами на тяжкий, бессмысленный и нескончаемый труд, Сизиф, как и Прометей, лишён поддержки и людей, и богов. Но парадокс экзистенциалистской трактовки мифа состоит в том, что безбрежное одиночество этого мифологического героя становится подтверждением силы его духа и проявлением внутренней свободы. Коль скоро «человеческое состояние», согласно А. Камю, есть одиночество, то полнота и завершённость одиночества Сизифа служат подтверждением того, что он поднялся над теми, кто, будучи одинокими, не хотят признаться себе в этом. «Я покидаю Сизифа у подножия горы. От собственной ноши не отделаешься. Но Сизиф учит высшей верности, которая отрицает богов и поднимает обломки скал. Сизиф тоже признаёт, что всё — хорошо... Одного восхождения к вершине достаточно, дабы наполнить до краёв сердце человека. Надо представить себе Сизифа счастливым»¹. Сделать одиночество счастьем, а свободу — тяжким бременем — таково видение Камю. Но даже безотносительно экзистенциалистской интерпретации этого мифа трудно не увидеть в нём проявление ранней рефлексии одиночества.

В классический период античной истории соотнесённость отдельного человека и общества, а также отсутствие этой соотнесённости, рассматривались как наиважнейшие философские темы. Они проходят через многие диалоги Платона (например, «Пир»). Но ещё более рельефно эти темы прозвучали у Аристотеля в его анализе общественного устройства в трактате «Политика».

В начальных разделах своего труда античный мыслитель раскрывает главные положения своего социально-философского кредо: «...Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому»². Принимая во внимание, что понятие «государство» употребляется Ари-

¹ Камю А. Из философской эссеистики // Вопросы литературы. — 1980. — № 2. — С. 177–178.

² Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1984. С. 379.

стотелем в качестве синонима понятия «общество», важно отметить, что автор видит для человека только одну роль — органичной «части» целого. Такова заданная философом система координат, в которой нет места необщественному человеку, ибо всё в человеке, по мнению Аристотеля, есть проекция общего, т. е. «государства».

Человек, который не желает легко и точно войти в сетку общественных координат, рискует вообще потерять свою сущность. «...Тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чём, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством»¹. Разумеется, нельзя пройти мимо некоторой однозначной жёсткости формулировок великого философа, дихотомически расчленяющего людей на «общественных» и «антиобщественных» (последние вообще к числу людей, по мысли Аристотеля, не относятся). Примечателен именно ригоризм греческого мыслителя, который настолько решителен в своих суждениях, не подразумевающих даже отдельных исключений. Невольно напрашивается предположение, что некий скрытый мотив заставляет его быть столь непреклонным по отношению к тем, кто не вполне разделяет его общественный абсолютизм. Видимо, не стоит впадать в излишний психологизм и создавать борьбу мотивов там, где её могло и не быть. И тем не менее.

Не есть ли панегирик обществу, созданный Аристотелем, реакцией на устрашающее чувство одиночества, навещавшее античного человека? Мир классики открыл перед ним не только гармонию микро- и макрокосма, но и дисгармонию хаоса, страха потерять общественную солидарность, в конце концов, одиночества.

Философ упорствовал в своём решительном развенчании необщественного человека. «Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо. Человек, нашедший свое завершение, — совершеннейшее из живых существ... Поэтому человек, лишённый добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким... Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения»².

¹ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1984. С. 379.

² Там же.

Итак, противопоставление себя (в мысли, чувстве или действии) существующему государству или обществу не только не могло считаться добродетельным, но, напротив, как утверждал Аристотель, было преступлением против добродетели.

Однако государственнический пафос античного мыслителя, заклеившего одиночество, представляется несколько искусственным и нарочито грозным. Но в любом случае он свидетельствует о том, что проблема изолированности человека как возможность и как потенциальная опасность осознавалась философом и современным ему обществом во всей своей значимости. И этого уже было бы достаточно для целей настоящего рассмотрения. В произведениях Аристотеля мы ещё не найдём рефлексивного понятия одиночества в качестве осознанного переживания дефицита общения и социальных связей. Это произойдёт существенно позднее, в другую историческую эпоху.

Эллинистическая эпоха (особенно поздний этап эллинизма) с её обострённым чувством социального упадка и далее катастрофизма, разрушения рациональных форм жизни и ростом атомизации социального бытия — это исторический период, который со всей остротой и на сей раз с полной мерой рефлексивности поставил проблему одиночества в центр философского сознания.

Греческие и римские стоики — Зенон Китийский, Сенека, Марк Аврелий продолжили традицию Аристотеля, всемерно акцентировавшего принадлежность человека к единому государству. Однако стоики расширили «гражданство» до пределов всего мира, общества как такового. Человек предстал у стоиков в качестве гражданина мира¹. Эта «всемирность» человека, как ни странно, повлекла за собой обострение чувства одиночества. Отказ от концепции малой родины — уютного и обжитого полиса — превратил человека в частицу некоего безликого миропорядка, управляемого судьбоносными надприродными силами. Именно рок, или судьба, влекущая человека в направлении, известном лишь Богу, превращает земное существо в одинокого скитальца на просторах мира. «Судьба ведёт послушных и тащит непокорных» — так звучал знаменитый тезис Сенеки. Этот мотив ещё сильнее прозвучал у Марка Аврелия: «Время человеческой жизни — миг; её сущность — вечное течение; ощущение мутно; строение все-

¹ История теоретической социологии: в 2 т. Т. 1. От Платона до Канта. М., 2005. С. 78–79.

го тела бrenно; душа неустойчива; судьба загадочна; слава недостоверна. Одним словом, всё, относящееся к телу, подобно потоку, относящееся к душе — сновидению и дыму. Жизнь — борьба и странствие по чужбине; посмертная слава — забвение»¹.

Даже избегая какой бы то ни было модернизации стоицизма, нельзя не признать почти завершённый комплекс одиночества, раскрывающийся в сочинениях Марка Аврелия. И хотя его мировоззрение проникнуто поклонением «духу целого», который всё объединяет и всё принимает в своё лоно, философ признаёт, что в противовес единению природных сил только у людей наблюдается противоположная устремлённость, которая рано или поздно будет преодолена силами гармонизации отдельного человека и целого.

В книгах Ветхого и Нового Завета можно обнаружить дальнейшую аккумуляцию античного духа отчуждения и одиночества.

В Книге Екклесиаста, или Проповедника, — одной из наиболее философских частей Ветхого Завета — рассматриваются нравственные основы земной жизни (в большей степени, чем проблема веры). Екклесиаст — философ, моралист и одарённый писатель — был тесно связан с греческой традицией. Годы его жизни датируются III в. до н. э. Сам рационалистический и отчасти пессимистический дух этой книги во многом противоречит иудаизму, и сегодня остаётся не вполне понятной причина, по которой она была включена в собрание канонических иудаистских текстов — Ветхий Завет. «И обратился я, и увидел ещё суету под солнцем; Человек одинокий, и другого нет; ни сына, ни брата нет у него; а всем трудам его нет конца, и глаз его не насыщается богатством»².

В Новом Завете тема одиночества приобретает ещё большее значение. Спасительная земная миссия Бога Сына, Иисуса Христа, сама по себе несёт черты драматического одиночества. И только искупительная смерть Христа размыкает круг предательств и непонимания со стороны людей. Не есть ли одиночество — неизменный спутник жертвенности во благо ближнего? Обречён ли подвижник и мессия быть одиноким и иным быть не может? Эти вопросы витают над страницами Нового Завета. Предельно сконцентрированная на проблемах личной нравственности и веры, эта часть Священного Писания

¹ Антология мировой философии: в 4 т. М., 2009. С. 520.

² The New Oxford Annotated Bible with the Apocrypha: Revised standard version. Oxford, 1977. P. 805.

содержит в себе послание о том, как можно и должно преодолеть земную разобщённость людей. Но достичь этого состояния мыслимо лишь в вере. В противном случае все земные узы, которые порой представляются весьма крепкими, распадутся. Иными словами, единство человека с человеком, согласно новозаветному христианскому учению, опосредовано Богом. В этом смысле только присутствии Бога может сняться наше субстанциальное одиночество (позднее Ф. Ницше и Ж. П. Сартр, выдвинув концепцию мира без Бога, увидели в этом символ метафизического одиночества как извечного человеческого состояния. Мир, лишённый трансцендентной поддержки, раскалывается на изолированные человеческие монады.)

Христианская парадигма взаимоотношений человека, мира и Бога, включавшая в себя преодоление в вере субстанциального одиночества, нашла развитие в философии Августина, во многом предопределившего Реформацию христианства Лютером.

Антропология Августина основывалась на четырёх главных постулатах: а) творение (источник оптимизма), б) грехопадение (источник пессимизма), в) искупление (жизнь как она есть), г) воскресение (чудо и оптимизм)¹. Причём именно первородный грех становится причиной сознания человеком своей телесности и обособленности от другого человека. Из существа смертного человек вследствие грехопадения превратился в существо умирающее — умирающее постоянно, идущее к смерти, предчувствующее её и страшящееся конца. По мысли философа, в конечности бытия нет ничего трагического, ибо в итоге человек воссоединяется с Богом. Но умирание, т. е. постоянное переживание своей смертности, есть наипошаснейшая земная пытка. И только в «граде небесном» человек обретает единоедушное общение с Богом и преодолевает свою телесность².

В противовес человек должен познать через Бога другой строй истин. «Старайся дознать, что такое высшее согласие: вне себя не выходи, а сосредоточься в самом себе, ибо истина живёт во внутреннем человеке; найдёшь свою природу изменчивую — стань выше самого себя. Но, становясь выше самого себя, помни, что размышляющая душа выше и тебя. Поэтому стремись туда, откуда возжигается самый свет разума»³. Царство Божие или истины внутри нас. Сосредоточение на

¹ История теоретической социологии: в 2 т. Т. 1. От Платона до Канта. М., 2005. С. 312.

² Там же, с. 89.

³ Антология мировой философии: в 4 т. М., 2009. С. 600.

свете внутренней истины не есть одиночество, это внутреннее сосредоточение и, если угодно, уединение, цель которого — постижение Бога и возвращение к людям. Иными словами, для Августина приблизиться к людям и познать их молено только через «град небесный», а вся земная жизнь — юдоль страдания и одиночества — представляет собой лишь преддверие «града небесного». В этой онтологической схеме Бог трактуется как высочайшая смыслонаделяющая субстанция, вне которой земная жизнь вообще не имела никакого значения.

Однако из данной схемы не следовало, что в земных делах могли господствовать хаос и неупорядоченность. Напротив, чем более стройно и рационально воссоздаётся земной строй, тем более мы все, его частички, имеем возможность рано или поздно вступить в пределы «града небесного». В каких бы мрачных тонах Августин ни рисовал драматичность земного бытия, у философа всё же постоянно находилась перед глазами оптимистическая альтернатива — Бог. Сам тип сознания Августина был открыто-диалогичным. Поэтому его самое интимное и экзистенциалистское произведение — «Исповедь» тем не менее представляет и по сути, и по форме диалог с Богом.

Противоположность души и тела, обусловленная первородным грехом и предопределяющая одиночество в качестве «человеческого состояния», стала одной из главных тем философского творчества другого христианско-католического мыслителя, но представившего уже Новое время, философа и математика Блеза Паскаля.

Будучи современником великого Декарта и его теоретическим оппонентом, Паскаль между тем сполна, как и Декарт, воспринял рефлексивный дух своего времени. Причём эта картезианская обращённость к сознанию и анализ конструкций самосознания человека были подлинной революцией не только в философии, но и в истории культуры человечества в целом. Реальность сознания, интроспекция, сфокусированность «на себе», восприятие своего внутреннего мира как объекта — всё это сделало одиночество предметом самого пристального анализа.

Человек для философа представлял собой «ничтожество» в качестве «атома» Вселенной — затерянного на её бескрайних просторах. Жизнь есть не что иное, как миг, который бесцветной тенью промелькнёт и исчезнет навсегда. «Вечное молчание этих бесконечных пространств ужасает меня», — трагически заметил Паскаль¹.

¹ Sadler W. A., Johnson T. B. From loneliness to anomia / The anatomy of loneliness. N.Y., 1980. P. 158.

«Видя ослепление и жалкое состояние человека (а равно и обнаруживающиеся в его природе удивительные противоречия), видя, что Вселенная безмолвна, а человек лишён света, предоставлен самому себе, заблудился в этом уголке мира, не зная, кто и для чего его привели сюда и что с ним будет по смерти, — видя всё это, я прихожу в ужас подобно человеку, которого во сне перенесли на пустынный, дикий остров и который, проснувшись, не может понять, где он находится и как ему уйти с этого острова. Удивительно, как люди не приходят в отчаяние от такого ужасного положения!»¹

В истории европейской мысли раннего «современного» общества (modern society), пожалуй, нет более совершенного фрагмента, раскрывающего чувство и переживание космического одиночества, хотя сам этот термин не приводится Паскалем. Душевный настрой философа свидетельствовал о том, что он, рассуждая о трагической миссии человека в мире, говорил исключительно от первого лица и другой позиции для себя не мыслил. Весь мир временами сужался для него до бинарной конструкции «Я и Бог». Что касается других людей, Паскаль называл их «мыслящим тростником», покорно и некритически воспринимающим внешние веяния.

«Видя себя в природе помещённым между двумя безднами, бесконечностью и ничтожеством, человек содрогнётся при виде этих чудес. Да и что же такое, наконец, человек в природе? Ничто в сравнении с бесконечным, всё в сравнении с ничтожеством, середина между ничем и всем. От него, как бесконечно далёкого от постижения крайностей, конец вещей и их начало, бесспорно, скрыто в непроницаемой тайне; он одинаково не способен видеть и ничтожество, из которого извлечён, и бесконечность, которая его поглотит»². Однако было бы недопустимой ошибкой рисовать Паскаля в исключительно мрачных тонах существенно более позднего экзистенциализма. Истина веры и истина сердца позволяли французскому философу, признавая временность земного бытия, видеть вневременность бытия иного — идеального и отдавать ему свою веру.

Другой выдающийся современник Паскаля, философ и математик Готфрид Вильгельм Лейбниц, не посвящал специальных работ проблеме утончённой саморефлексии. Между тем он гениально выразил переживания, весьма близкие философским рефлексиям

¹ Антология мировой философии: в 4 т. М., 2009. С. 306.

² Там же, с. 303.

французского мыслителя. Речь идёт о знаменитой монадологии Лейбница — учении о плюралистической духовной субстанции. Немецкий философ полагал, что в основе мира лежат абсолютно индивидуальные (т. е. не повторяющие себя) духовные субстанции — монады, само название которых свидетельствует об их изолированности и единичности.

Монада — а) абсолютно простая субстанция (т. е. не имеющая частей); б) не имеет физических характеристик; в) вечна и неуничтожима; г) индивидуальна; д) абсолютно изменчива; е) подвижна внутренним энергетическим началом; ж) имеет волевое и психическое начало (энтелихию). Но, что особенно важно для контекста обсуждения рефлексии одиночества, монады, согласно Лейбницу, «вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти»¹. Последнее положение, обычно ставящее в тупик изучающих историю философии, играет важную роль. По мнению немецкого философа, монада самодостаточна и замкнута в себе — ей не нужны внешние субстанциальные влияния. Не углубляясь в анализ сугубо онтологического смысла этого положения, необходимо указать на то, что принцип «безоконности» монад не мог бы появиться на свет, если бы философское мировоззрение Лейбница не было столь восприимчиво к мысли об атомарности личности как парадигмальной модели, изоморфно воспроизводившей себя на всех уровнях.

Аналогия между монадой и личностью вполне самоочевидна: «Каждая сотворённая монада представляет всю Вселенную, но отчётливее представляет то тело, которое собственно с ней связано...»². Подводя итог анализу монадологии Лейбница, логично предположить, что критерий одиночества вполне мог быть применим к монадам как прообразу атомарной личности Нового времени и уж во всяком случае проведение определённых параллелей было бы допустимо.

За рамками приведённого выше выборочного обзора рефлексий одиночества в западной философской и религиозной культуре остались яркие примеры, подтверждающие тезис об изначальном присутствии чистого переживания одиночества в западном сознании.

¹ Антология мировой философии: в 4 т. М., 2009. С. 451.

² Там же, с. 459.

Библиография

1. Антология мировой философии: в 4 т. М., 2009.
2. Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1984.
3. Введение в практическую социальную психологию. М., 2004.
4. История теоретической социологии: в 2 т. Т. 1. От Платона до Канта. М., 2005.
5. Камю А. Из философской эссеистики // Вопросы литературы. — 1980. — № 2.
6. Sadler W. A., Johnson T. B. From loneliness to anomia / The anatomy of loneliness. N.Y., 1980.
7. The New Oxford Annotated Bible with the Apocrypha: Revised standard version. Oxford, 1977.

*МИНЮШЕВ Фарид Исламович,
заслуженный профессор
МГУ имени М. В. Ломоносова;
ТАБАТАДЗЕ Ирина Анатольевна,
кандидат социологических наук,
социологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова
farid.minjushev@yandex.ru*

Константы (постоянные) жизни человека в обществе как базовые ориентиры оптимизации социальной политики Российского государства / Social constants of human life as base reference points of the Russian social policy state optimization

Аннотация

Статья посвящена выявлению социально-фиксируемых констант человеческого существования: труда и познания, любви, агрессии, игры и смерти. Обоснована необходимость взаимосогласования потребностей общества и человека посредством культуры. Агрегированы направления совершенствования процессов управления социокультурным развитием.

Ключевые слова

Константы; жизнь; природа; общество; человек; культура; взаимосвязь; духовное развитие; личность.

Annotation

Article reveals socially-fixed constants of human existence: work and knowledge, love, aggression, game and death; proves the necessity of the society and the person requirements coordination by means of

culture; defines management directions of the social and cultural development.

Keywords

Constants; life; the nature; society; the person; culture; interrelation; spiritual development; the person.

Авторы статьи исходят из теоретических достижений Римского клуба второй половины XX века: «Успех или крах экономического, социального и культурного развития наций в конечном счёте определяется уровнем их человеческого потенциала и его реализации». Этот вывод подтвердился всем ходом мировых событий. В рамках ООН был введён индекс «Развитие человеческого потенциала». Индекс указывает на результаты измерений трёх переменных: долголетия, образованности и уровня жизни населения страны. Измерения происходят в большинстве стран мира по единой методике, разработанной специалистами ООН¹.

Ежегодное ранжирование стран мира по этому показателю указывает, что место России — 55-е (1999 г.) с индексом 0,775 (учтены 162 страны). В 2008 г. Россия заняла 67-е место среди 177 стран². Для сравнения: в 1985 г. мы входили в первую тридцатку стран.

Почему наша страна опускается вниз? *Это неестественно.* Ведь Россия по территории и обеспеченности природными ископаемыми находится на первом месте в мире, по численности населения — на шестом, по размерам ВВП — на десятом, что даёт ей все основания претендовать на передовые места в мировом сообществе по развитию человеческого потенциала.

Социальная политика, осуществляемая современным российским государством, по многим своим показателям является недостаточно эффективной. Выбор в 1992 г. курса реформ, в основе которого лежали установки «шоковой терапии», предполагал отказ от социальной политики социалистического типа (всеобщая занятость населения, бесплатное здравоохранение и образование и пр.).

¹ ПРООН — Программа развития ООН (UNDP — United Nation Development Program).

² Индекс включает в себя данные по уровню жизни (душевой доход), образованности (число лет обучения на 10 тыс. человек) и среднюю продолжительность жизни.

Эффективность социальной политики приносилась в жертву эффективности экономических преобразований, которые предполагалось осуществить в сжатые сроки, что позволило бы минимизировать (по крайней мере, во времени) возникшие глубокие социальные противоречия, приведшие общественное сознание к расколу по важнейшему вопросу: «Куда идёт страна?»

«Как Вам кажется, начиная с августа 1991 г. страна пошла в правильном или неправильном направлении?»¹

Варианты альтернатив	2003	2005	2007	2008	2009
В правильном направлении	30	25	28	33	42
В неправильном направлении	47	50	37	40	39
Затруднились ответить	23	25	35	27	19

Такая ситуация в стране диктует необходимость уточнения теоретической картины формирования социальной политики для её *оптимизации в рамках существующего реально российского государства.*

Авторы убеждены в том, что в XXI веке будут всё больше совпадать направления развития природы человека и развития природы общества, а на исторической и мировой авансцене всё большую роль будут играть общества, где наилучшим образом решаются проблемы сосуществования и развития человека и общества.

В данной статье природа человеческого общества понимается как продукт взаимодействия индивидов. Следовательно, развитие общества и индивидов взаимообусловлено. Но активное начало заключено в людях. Между тем в современной социологии больший акцент делается на изучение общества, а человек остаётся в тени: природа человека, его настоящее и будущее не включены органично в процесс социологического исследования. Ввиду этого в статье ставится задача *выявления констант (постоянных) человеческого существования в любом обществе.* Это позволит оптимизировать социальную политику РФ, поскольку прояснение векторов совместного развития общества и человека способствует обозначению круга согласованных потребностей, реализация которого является основной функцией социальной политики государства.

¹ Общественное мнение-2008. М. : Левада-Центр, 2008. С. 177 и данные текущего архива этого Центра.

Выявление постоянных (констант) человеческого существования в обществе реализуется в осуществлении социологического продвижения в понимании структуры экзистенциального существования (жизни) человека: «Бытие» в мире (М. Хайдеггер) было понято как существование человека в социальном мире: человек есть «множественный индивид», а общество — «продукт взаимодействия людей». Был сделан вывод, что как гармония, так и дисгармония во взаимоотношениях человека и общества как условий человеческого существования, возникающих при взаимодействии индивидов, в полной мере зависят от исторического состояния этих полюсов.

Так, две мировые войны XX века наглядно показали, что в случае военного поражения распадались прежде всего государства, что вело к неисчислимым потерям и страданиям людей. Такие модусы человеческого существования, как забота, страх, решимость, совесть, свобода (Хайдеггер, Ясперс) в экстремальных социальных условиях (война, революция) претерпевают фундаментальные изменения в смысле объективно-субъективной значимости и интенциональности (направленности бытия).

В процессе разработки темы установлено, что такие трансформации, как целостные процессы можно исследовать путём выявления фундаментальных (константных) связей между природой, обществом и человеком. Применение синергетического метода позволило выявить функциональные связи между константами природы, константами общества и константами (постоянными) человеческого существования в обществе. По своим функциям и те и другие являются независимыми структурообразующими величинами (ориентирами), вносящими своим постоянством в текущую хаотическую реальность общий или сегментарный порядок. *Они — своеобразные столпы порядка, придающие управляемым ими процессам черту постоянства и целесообразности.* Естественная природа функционирует в структуре человеческого существования в синергетической (самоорганизующейся) форме, а социокультурная — в виде сознательного и чувственного проживания человеком в текущих ситуациях констант своей жизни.

Проблема заключается в выявлении степени универсальности условий реального проживания человеком этих «постоянных» своей жизни. Результаты подобного анализа могут проложить путь к построению моделей социальных систем, позволяющих осуществлять долговременное предсказание состояния общественной структуры,

вплоть до создания «психоистории», науки предсказания будущего цивилизационного развития, доселе лишь предполагаемой в научной фантастике (А. Азимов «Основание»). Дальнейший прогресс в математике хаоса и применении её к социальным наукам может привести к развитию концепции управления при помощи минимальных воздействий, позволяющих осуществлять желательные изменения в социальной системе при помощи микроизменений, которые влекут за собой глобальные последствия для всей социальной системы в процессе её естественного развития.

Выполнение этой задачи позволит агрегировать текущую социальную и культурную реальность в блоки взаимодействия системного и жизненного миров человека. Это позволит также оптимизировать социальную политику государства, проводить эффективно и адресно «человеческое измерение» социальных и глобальных процессов как в отдельной стране, так и в мире в целом (логика нахождения таких «узлов взаимодействия» между человеком и обществом будет раскрыта ниже).

Функциональная и содержательная связь между константами природы и константами социальной жизни показана авторами на ряде примеров. Прежде всего это касается универсальных констант, отражающих изотропность свойств пустого пространства нашей Вселенной, их одинаковость по любому направлению. Это число, равное отношению длины окружности к её диаметру ($=3,14159\dots$). В природных структурах оно выражено, например, в средних характеристических размерах природных рельефов в следующем ряду: песчаный рифель в отмелях — дюны — сопки — горные системы Кавказа, Гималаев и т. д. Константы обнаруживаются также в «законе троек» (например, в формировании прибрежных волн — каждая третья волна выше своих соседей) и т. д.

Научный интерес представляют наблюдения А. Л. Чижевского (МГУ), изучившего материалы по истории более 80 стран и народов за период в 2500 лет и установившего, что в годы минимальной солнечной активности наблюдается минимум массовых движений (5%) и, наоборот, в годы максимальной солнечной активности происходило свыше 60% социальных катаклизмов.

Также интересны с позиции авторского проекта гипотезы Л. Н. Гумилёва о пассионарных толчках как факторах эволюции человечества, К. Манхейма об энергии движения социума и его обновлением

(положение о жизненном цикле поколения, основной этап которого составляет политическая жизнь, длящаяся тридцать и более лет).

Самые удачные попытки найти жизненные циклы (констант) приняты в экономических науках. Особый интерес представляет так называемый Кондратьевский цикл, длящийся 45–65 лет и обозначающий период длинных волн конъюнктуры в рыночной экономике. Интересна также установленная Н. Решером «логарифмическая отдача» науки в виде первоклассных результатов.

Приведённые примеры указывают на правомерность поиска констант, действующих также и в процессе человеческого существования: статистические показатели жизнедеятельности людей фиксируют динамику процессов, а константы (постоянные жизни) позволяют видеть действие этих своеобразных центров, упорядочивающих процессы жизнедеятельности и живого взаимодействия людей. Они же иллюстрируют «демонстрацию» единства природы, общества и человеческой жизнедеятельности. Обобщая, можно сказать, что общественная мысль накопила достаточно серьёзный материал по поиску «точек порядка», образующих «свои» интервалы, в целом упорядочивающих системный и жизненный миры людей.

Выше рассматривались лишь фрагменты взаимопроникновения и взаимоподдержки естественных и гуманитарных наук в процессе освоения ими мира собственными научными методами, выявлялись некие «мосты» между ними.

Эти предпосылки ведут к поиску дополнительных теоретических конструкций общего характера, эвристичных в установлении «родственности» природных и социальных процессов¹.

С целью оптимального структурирования человеческого существования был поставлен вопрос: нельзя ли использовать положения синергетики для расширения понятия «константа» и ответить на вопрос о константах существования человека в обществе (взятого как род, «множественный индивид»)?

¹ Таковой на сегодня является синергетика — новая научная дисциплина, нарождающаяся на стыке естественных и социально-гуманитарных наук. Синергетика есть теория самоорганизации сложных систем, находящихся в неравновесном состоянии. Особый интерес представляют возможности синергетики в новом понимании объективного единства различных проблем бытия человека, принципов его взаимодействия с природой, явлений социокультурной реальности, управляющих жизненными циклами «множественного индивида», рассматриваемые в динамике.

Можно вполне обоснованно утверждать, что жизнь каждого землянина состоит как бы из узловых пунктов, придающих некий общий порядок существованию человеческого сообщества на планете Земля:

рождение человека, его социализация (формирование личности); вступление в сферы труда и познания (обеспечение постоянного источника существования, профессионализация); вступление в брак и воспроизводство себя в своих потомках (любовь, взаимоподдержка в «малой» и «большой» семье, а также верования, связанные с любовью); проявление человеком своей индивидуальности в социальном соревновании (стремление к гегемонии, верховенству, доминированию, господству и другим подобным целям жизненной борьбы); игра (в формах спорта, социальной и художественной театральности, любых игр, в том числе и компьютерных — все формы «удвоения мира»). Ставит точку в земной жизни индивида смерть (культуры различаются отношением к смерти и бессмертию). Эта структура человеческой жизни повторяется в миллиардных тиражах. Следовательно, существует некий общий порядок проживания человеком своей жизни, присущий всем землянам.

Зададимся вопросом: какие же научные методы можно применить для их фиксации, описания и объяснения? До сих пор мы шли по пути математизации наблюдаемых явлений. При исследовании констант существования человека ввиду их сложности и противоречивости мы уже не можем пользоваться лишь математическими символами как предельными формами абстракции. Поэтому наши дальнейшие рассуждения требуют иной логики, нежели формальной. Таковыми являются *диалектическая*, *феноменологическая* и *структурно-функциональная* логики. Их применение позволило выявить следующее.

Перечисленные выше «функциональные точки» живой жизни имеют как бы два начала: «*социальное*», т. е. институционально организованное и «*жизненное*» (экзистенциальное), самоорганизующееся и развивающееся в социуме на основе жизненного и профессионального опыта индивидов. Эти начала ныне достаточно ясно выражены в известной концепции Ю. Хабермаса о системном и жизненном мирах человека.

Эти два начала взаимодействуют друг с другом посредством культуры.

Фундаментальное назначение культуры — обеспечивать членам любого человеческого сообщества единые формы жизнедеятельности, позволяющие оптимально адаптировать всех людей к меняющимся условиям существования, ориентироваться в окружающем мире, удовлетворять свои разнообразные потребности, преобразовывать окружающую и социальную среду в соответствии со своими потребностями и нормативно-ценностными ориентациями. Культура предоставляет всему обществу, социальным группам, а также каждому человеку нормированные и ценностно-окрашенные способы организации поведения, регуляции взаимодействия, формирования оценок и самоидентификации с группой, этносом, народом и человечеством. Ценностно-нормативные характеристики цивилизаций также служат формами упорядочения и ориентации жизнедеятельности целых народов.

В процессе исследования темы описаны основные константы жизни человека и установлено, что:

1) в современном обществе человеческое существование соотносится (трансцендирует)¹ со смертью (конечностью существования), культурой (образцовым опытом существования, служащим для саморегуляции существования; самоидентификация человеком культуры общества происходит в процессе социализации) и свободой воли (свобода «для» и свобода «в»).

Самоактуализация человеком того или иного вида соотносённости зависит от качественного уровня системы «общество — личность», идейно-духовного развития, социального положения и половозрастного состояния индивида;

2) человеческое существование на социальном и международном уровнях (в рамках ООН) оценивается мерой его соотносённости к своим запредельным (трансцендентным) состояниям:

¹ В аналитике существования М. Хайдеггера указанный парадокс выражен в формуле «трансценденция», обозначающей соотносённость человеческого существования с своим же запредельным состоянием, вызванным конечностью индивидуального существования (Ничто, Бог). [Аналитика существования М. Хайдеггера появилась в 1927 г., а «Экономико-философские рукописи 1844 г.» Маркса были впервые опубликованы в начале тридцатых годов XX века, т. е. Хайдеггер не был с ними знаком. Здесь мы видим открытие, сделанное этими мыслителями XIX и XX веков, независимо друг от друга.]

а) в виде продолжительности жизни (соотнесённость со смертью);
б) прав и свобод человека (соотнесённость со свободой «в» и свободой «для», т. е. «правами человека»);

в) образовательно-духовного уровня (соотнесённость с культурой);

г) уровнем жизни (соотнесённость с ВВП страны).

В экономико-политической сфере эти меры сосредоточены в принципе «человеческого измерения» и индексе «человеческого развития».

Речь идёт не только о количественной констатации показателей страны.

Имплицитно имеется в виду способность путём конкуренции между государствами умение решать «вечные вопросы» существования человека в обществе:

— как прожить долгую жизнь без физических и ментальных болезней;

— как развить необходимые для жизни качества в виде приобретения знаний и навыков, адекватных требованиям эпохи;

— как приобрести способность «реализовать себя»;

— как приобрести доступ к экономическим и другим благам, обеспечивающим достойную, здоровую и долгую жизнь?

Понятно, что обеспечение общепринятых прав личности невозможно, если человек лишён права на жизнь и охрану своего здоровья, на получение образования и доступ к средствам существования.¹

Таким образом, реализация общественных усилий по преодолению отчуждения и самоотчуждения индивида происходит в процессе проживания индивидом социально-фиксируемых констант человеческого существования как постоянных «узлов взаимодействия» общества и личности: труда и познания, любви, соперничества ради социального превосходства в жизненной борьбе, игры и смерти.

Данная структуризация даёт возможность заключения «союза» между наукой и экономико-политической практикой в сфере «общество — человек», что позволяет в свою очередь анализировать реальные условия проживания множественным индивидом своих констант, а также способствовать целенаправленно и конкретно ориентировать социальную политику на проблемы, возникающие в сферах:

¹ Основы изучения человеческого развития. М., 1998. С. 24–25.

— *труда и познания* (принципы организации, распределения и контроля труда, развитие системы образования в обществе, экологии человека);

— *любви* (семья, демография, гендерные процессы);

— *доминации* (проблемы неравенства и свободы, конкуренции в сферах труда, собственности и социальной иерархии и т. д.);

— *игры* (театр, кино и другие формы художественного удвоения мира, спорт, физическая культура) и *смерти* (проблемы охраны здоровья, личной и средовой безопасности).

Указанное агрегирование позволяет составить общую картину взаимосогласования потребностей общества и человека по принципу *необходимости и достаточности*. Перевод в практическую область этих знаний позволяет получить рациональный вектор общего развития человека и общества.

Библиография

1. Гумилёв Л. Этногенез и биосфера Земли. М., 1991.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
3. Общественное мнение-2008. М. : Левада-Центр, 2008.
4. Основы изучения человеческого развития. М., 1998.
5. Решер Н. Озадачивающие явления. М., 1985.
6. Социально-культурные проекты Ю. Хабермаса / РАН. Ин-т философии. М., 1999.
7. Чижевский А. Физические факторы исторического процесса, 1924.
8. Хайдеггер М. Бытие и время, 1927.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

ИССЛЕДОВАНИЯ МИСКП

*ЦАРИКАЕВА Залина Магометовна,
аспирант, Московский государственный
гуманитарный университет
имени М. А. Шолохова;
ЦАРИКАЕВА Алина Магометовна,
аспирант, Московский государственный
гуманитарный университет
имени М. А. Шолохова
alika10@mail.ru*

Информационная безопасность Российской Федерации в контексте современного политического процесса / Informational security of Russian Federation in the context of modern political process

Кто владеет информацией, тот владеет миром.

Натан Майер Ротшильд

Аннотация

В данной статье поднимается проблема обеспечения информационной безопасности Российской Федерации. Описываются место и роль России в глобальном информационном пространстве, а также даётся оценка современным угрозам, с которыми может столкнуться наша страна в обозримом будущем.

Ключевые слова

Информационная безопасность; информационное пространство; угрозы.

Annotation

The issue of informational security in Russian Federation is discussed in this article. The place and role of Russia in global informational

dimension is described and the modern menaces of the possible future are evaluated.

Keywords

Informational security; informational dimension; menace.

Во второй половине XX века произошёл резкий скачок развития технологий, позволяющих работать с информацией. Значение и количество информации резко возросли, вместе с тем осложнились вопросы, связанные с её защитой. Зависимость человечества от информации также возросло. Развитие информационных технологий обусловило проникновение информационных ресурсов практически во все сферы жизнедеятельности человека.

Стремительное развитие информационного общества, выступая одной из качественных сторон общего процесса глобализации, объективно сопровождается возникновением и обострением целого ряда проблем и противоречий политического, экономического, военного, социального, культурного и иного порядка, прямо либо опосредованно влияющих на безопасность личности, общества и государства на всех уровнях социального взаимодействия. Информатизация всех областей жизни позволила наиболее развитым странам за короткий срок значительно оторваться в развитии от остального мира, причём данный разрыв может стать исторически необратимым.

Причиной значительных изменений в политике ведущих государств мира, рассматривающих информационное пространство как область реализации национальных интересов, а информационное противоборство как средство для их достижения в условиях противоречивой динамики социальных, политических, экономических, духовно-культурных отношений, являются рост числа угроз информационного характера и расширение масштабов их влияния.

Информационный потенциал играет существенную роль в обеспечении безопасности общества и государства. Наиболее развитые государства используют его для достижения военных, политических и экономических целей. Инструментами информационного воздействия, таким образом, становятся информационные ресурсы — информация и технологии.

Информационное пространство глобально, в нём практически не существует никаких границ национального информационного про-

странства. Тем не менее в информационном противоборстве преимущество будет у той стороны, которая добьётся информационного превосходства — господства в информационном пространстве космических систем и средств разведки, предупреждения, навигации, метеорологии, в управлении связью.

Формирование новой архитектуры международных отношений, неравномерность и диспропорции в развитии информационной сферы в том или ином государстве способствуют возникновению новых, специфических для информационной эпохи угроз национальной безопасности. При этом неизмеримо возрастает число и расширяется спектр угроз, действие которых направлено на функционирование тех или иных сторон коллективного или индивидуального сознания.

Проблема обеспечения информационной безопасности любого государства является одним из наиболее важных аспектов его внешней политики, так как именно информационная сфера представляется на сегодняшний день важнейшим объектом приложения деятельности различных участников международных отношений. Каждый из них стремится не только сформировать и поддержать благоприятный имидж в мировой политике, но и взять под контроль важнейшие информационные ресурсы, в первую очередь средства массовой и сетевой информации, функционирование которых в значительной степени определяет мировое общественное мнение.

Сегодня обострение информационного противоборства стало объективным явлением современной политической действительности и особой формой борьбы как в мирное, так и в военное время, прочно вошло в арсенал армий ведущих западных государств, незаконных формирований и террористических организаций.

Усиливающаяся зависимость сферы политики в целом и политического сознания субъектов, в частности, от информационного воздействия требует целенаправленного участия институтов государства и общества в процессах создания, распространения и потребления информационно-культурных продуктов и услуг и проведения активной политики по противодействию угрозам безопасности в информационной сфере.

Существование сильного современного независимого государства неразрывно связано с обеспечением информационной безопасности в различных сферах его деятельности и прежде всего в политической, экономической, военной, духовной. Это обусловлено информационной экспансией развитых стран, осуществляющих

глобальный мониторинг ключевых мировых процессов, расширением использования различными кругами методов террора для достижения своих целей, обострением криминогенной обстановки и ростом числа компьютерных преступлений, особенно в кредитно-финансовой сфере.

Необходимо отметить роль Соединённых Штатов Америки как одного из наиболее могущественных политических, экономических и военных акторов современных международных отношений. Представляется, что во многом мощь США была обусловлена активным развитием и внедрением информационных технологий в различные сферы общественной жизни.

Современные тенденции развития общества показывают, что информация становится ключевым фактором производства. Кроме того, доступ к информации и к системам её передачи предоставляет значительный объём власти, а также ряд возможностей воздействия на общественно-политическую ситуацию в мире или в отдельно взятом регионе.

В понятие информационной безопасности следует включить:

- повсеместное применение принципа защиты личной информации граждан и государственных тайн;
- стабильность работы информационных систем и их защищённость от несанкционированного внешнего негативного воздействия;
- защиту авторских и лицензионных прав, защиту интеллектуальной собственности;
- защиту демократических прав граждан на свободу слова и свободу доступа к информации;
- борьбу с распространением ложной или искажённой информации с целью нарушения интересов государства и его граждан.

Ситуация, когда Российская Федерация испытывает экономические и иные трудности, а её население находится под воздействием самых различных и сильно политизированных информационных потоков, подлинная цель которых нередко скрывается, существует необходимость ведения целенаправленной деятельности по поддержанию у граждан готовности отстаивать ценности своего общества. Нередко имеет место факт манипулирования общественным мнением в интересах определённых группировок. Необходимо противостоять подобным действиям. В первую очередь граждане должны сами уметь отличать истину от вымысла, осознавать ценности и ин-

тересы своей страны, своего общества, а также уметь понимать, кто стоит за теми или иными действиями. Однако такое осознанное отношение к социальной действительности может быть сформировано только в результате последовательной и целеустремлённой деятельности, направленной на политическое образование населения всей страны. Как подчеркнул заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник А. Ноговицын: «Через целостное воздействие на информационную среду реализуются угрозы национальной безопасности в различных сферах человеческой деятельности. Сейчас новой целью зачастую становится разум человека, и конфликт может быть разрешён не силовыми методами, а применением тех или иных информационных технологий».

В России проблема информационной безопасности особенно актуальна, поскольку она напрямую связана практически со всеми элементами национальной безопасности, упомянутыми в стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года.

Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищённости её национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.¹

Информационная безопасность характеризуется как целостное явление, в её структуре выделяются субъекты, средства, объекты, принципы обеспечения, источники опасности, направленности опасных информационных потоков.

Проблемы обеспечения информационной безопасности неоднократно обсуждались на заседаниях Межведомственной комиссии Совета безопасности Российской Федерации по информационной безопасности, включались в повестку дня парламентских слушаний, проводимых различными комитетами Государственной Думы.

Основной угрозой информационной безопасности для Российской Федерации являются планы ряда стран Запада, и прежде всего США, использовать своё превосходство над Россией, полученное в результате интеллектуального отрыва в организации и технологиях ведения информационной борьбы в едином глобальном информационном пространстве. В настоящее время в США активизировано

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации / Консультант Плюс.

проведение работ, направленных на реализацию национальной информационной стратегии. Цель проводимых работ — обеспечить подавляющее информационное превосходство путём навязывания информации, побуждающей высшее военно-политическое руководство других стран принимать выгодные для США решения. Ключевыми элементами в деле достижения целей национальной информационной стратегии являются управление восприятием целевой аудитории и формирование «общественного мнения» путём манипулирования информацией. Основная форма достижения поставленных целей — ненасильственные действия и инициирование «бархатных» революций.

Предотвращение и нейтрализация угроз информационной безопасности нашей страны осложняется целым рядом негативных факторов:

1) широкое применение зарубежных средств вычислительной и коммуникационной техники, вызванное объективной невозможностью отечественной промышленности удовлетворить спрос на современное компьютерное и связанное оборудование;

2) бесконтрольное и нескоординированное создание и развитие государственными и коммерческими структурами выделенных и корпоративных телекоммуникационных систем, влекущее невозможность создания единого информационного пространства;

3) инвестиционная политика в области телекоммуникаций проводится без тщательного анализа её последствий в части обеспечения информационной безопасности и надёжности функционирования сетей связи;

4) незаконное распространение на российском рынке несертифицированных отечественных и импортных программно-аппаратных средств защиты информации;

5) недостаточная отработка вопросов сопряжения компьютерных сетей органов государственной власти, учреждений и организаций Российской Федерации с международными информационными сетями.

Информационная среда, являясь определяющим фактором во всех сферах деятельности государства, оказывает существенное влияние на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих национальной безопасности Российской Федерации.

Окружающая нас действительность каждый день со всей убедительностью демонстрирует, что в настоящее время среди множества

составных элементов состояния безопасности личности, общества и государства чрезвычайно усиливается информационный компонент. В современных условиях количество объектов, от степени информационной безопасности которых зависит стабильность всего общества, постоянно увеличивается.

Таким образом, появление средств воздействия на общественное сознание через глобальные информационные системы, возможность дестабилизации систем государственного и военного управления путём дистанционного и скрытного нарушения функционирования телекоммуникационных и информационных сетей выдвигает на первый план проблемы развития международных нормативно-правовых основ формирования глобального информационного пространства, предотвращения применения «информационного оружия». Необходимо создать условия для заключения многосторонних международных соглашений о запрещении применения средств технологического воздействия на национальные информационные ресурсы, определить принципы контроля использования международных систем и сформировать основные приоритеты в политике международных организаций в области интеграции национальных сегментов информационных систем в единую мировую информационную инфраструктуру.

Библиография

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Консультант Плюс.
2. Информационная безопасность (2-я книга социально-политического проекта «Актуальные проблемы безопасности социума»). М. : Оружие и технологии, 2009.
3. Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
4. Проблемы формирования Стратегии обеспечения национальной безопасности России // Под общ. ред. С. В. Смурского. М. : Фонд «Отчизна», 2009.
5. Проблемы, перспективы и пути обеспечения национальной безопасности России в условиях глобального кризиса / Под общ. ред. С. В. Смурского. М. : Фонд «Знание — народу!», 2009.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

МАРТ

10 марта 2011 г.

2-я Всероссийская научная конференция «Фольклор в контексте культуры» — Россия, Махачкала

Организаторы: Дагестанский государственный педагогический университет, факультет музыки, кафедра теории и истории музыки.

Контактная информация: тел.: 8-963-425-26-40 — Абдулаева Медина Шамильевна, зав. кафедрой теории и истории музыки и методики музыкального образования ДГПУ.

Эл. почта: musfak2010@yandex.ru

10–11 марта 2011 г.

Всероссийская научная конференция «Современные общественно-политические системы в условиях модернизации: состояние и перспективы развития» — Россия, Орёл

Организаторы: ГОУ ВПО «Орловский государственный университет», философский факультет, кафедра социологии и политологии.

Контактная информация: 302005, г. Орёл, ул. Циолковского, д. 10, кв. 43. Городниной Ольге Сергеевне. Контактные тел.: (4862) 77-42-47; 89058569635. г. Орёл, ул. Комсомольская, 95, ауд. 329, кафедра социологии и политологии, оргкомитету научной конференции.

Эл. почта: ogorodnina@yandex.ru

Март 2011 г.

8-я межвузовская конференция «“Свое” и “чужое” в культуре народов Европейского Севера» — Россия, Петрозаводск

Организаторы: кафедра культурологии Петрозаводского университета, Карельский филиал Северо-Западной академии государственной службы.

Контактная информация: главный корпус ПетрГУ, каб. 442, методист кафедры культурологии Богданова С. И.

Эл. почта: pivoev@karelia.ru

КОРОТКО О КНИГАХ

«СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

Антология в семи томах, совместный проект Московского института социально-культурных программ и Института социально-политических исследований (ИСПИ) РАН. М. : Серебряные нити, 2005–2010

Появление уникальной серии «Современное русское зарубежье» обусловлено осознанной в последнее время потребностью в духовном, интеллектуальном, творческом взаимодействии россиян с соотечественниками в ближнем и дальнем зарубежье. Проект отвечает концепции единого Русского мира, изложенной в 2001 году Президентом России В. В. Путиным на Конгрессе зарубежных соотечественников. Неотъемлемой задачей антологии является содействие диалогу и взаимному обогащению культур разных народов, укреплению международного авторитета России.

В конце 80-х — начале 90-х годов ряд изданий открыл российскому читателю творческое наследие поэтов, прозаиков, критиков, мыслителей, художников первых трёх волн русской эмиграции. Создатели семитомной антологии «Современное русское зарубежье» поставили перед собой принципиально новые задачи — сделать достоянием единого Русского мира достижения соотечественников за последние 15–20 лет, собрать творческие силы русского зарубежья в единое гуманитарное поле.

Первые четыре книги из заявленной серии знакомят широкого читателя с прозой, поэзией, драматургией, публицистикой современной русской диаспоры. Особенно широко представлены в антологии страны ближнего зарубежья. Так, посланцами литературного Казахстана выступают писатели Николай Верёвочкин, Владимир Гундарев, Сергей Комов, Валерий Михайлов, Лидия Степанова, Надежда Чернова, Любовь Шашкова и многие другие талантливые прозаики, поэты, драматурги, публицисты. Почитателей литературной Белоруссии ждёт встреча с Вадимом Барщевским, Владимиром Глушаковым, Валерием Гришковцом, Светланой Евсеевой, Павлом Ивановым, Татьяной Лейко, Юрием Шевцовым, Михаилом Шелеховым и другими коллегами по литературному цеху. Мост между Россией и Украиной строят

Василий Анисимов, Олесь Бузина, Владимир Бушняк, Зинаида Быкова, Марина и Сергей Дяченко, Владимир Казарин. От имени Эстонии говорят Владимир Илляшевич, Александр Урис, Юрий Фролов. Дальнее зарубежье делегировало на этот символический форум Александра Воронина, Вечеслава Казакевича, Бахыта Кенжеева, Вадима Месяца, Алексея Парщикова, Дину Рубину, Оливию Сканту, Никиту Струве, Алексея Хвостенко, Анастасию Ширинскую, Юрия Юрченко и множество других мастеров современной литературы.

В пятом томе, посвящённом духовно-нравственному наследию русского православного зарубежья, один из разделов представляет собой летопись воссоединения Русской Церкви, совершившегося на наших глазах.

Шестой том отражает философские искания наших соотечественников. Характерно, что для участников этого «интеллектуального пиршества» не предусмотрено деления на ближнее и дальнее зарубежье, за одним «круглым столом» сошлись Иван Жук из Украины и Владимир Малявин из Китая, Чеслав Кирвель из Белоруссии и Владимир Молодяков из Японии, Владимир Илляшевич из Эстонии и Валерий Лепяхин из Венгрии...

Составители седьмого тома поставили перед собой задачу на судьбах конкретных соотечественников показать современникам тот могучий нравственный потенциал, который и сегодня является главным достоянием Русского мира. Замечательно, что материалы, собранные для этого тома, своей избыточностью потребовали от создателей издания вслед за первой второй книги «Русских судеб».

Эта же избыточность стала причиной и «разветвления» первого тома (проза, поэзия ближнего зарубежья) на четыре книги, и появления у книги «Философия» «сестры» — книги «Социология». Таким образом, читатель, заинтересовавшийся семитомным проектом, в итоге оказывается обладателем двенадцати книг, представляющих собой панорамную картину современного русского зарубежья.

Символично, что завершается антология именно книгой «Социология» (том VI, книга 2), — начав знакомство с современным русским зарубежьем с образов художественных произведений, мы как добросовестные исследователи поверяем наши представления данными науки. Закономерно и то, что завершающий том является самым «представительным» с точки зрения географии — представители 33 государств подтвердили своими работами стремление сотрудничать с создателями антологии в будущих проектах.

Фёдор Черепанов

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объём рукописи не должен превышать 10—12 стр.** Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, чёрными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он даётся **в конце статьи**.

6. К статье прилагается её **электронная версия в виде дискеты** или **диска**.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье **обязательно** прилагаются:

— **аннотация** (резюме) объёмом 15—20 строк на русском и английском языках;

— **список 3—4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

— **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф. И. О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, учёная степень, а также **данные для связи с автором** — адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договорённости с редакцией (обязательно в заархивированном виде). Материалы по почте просьба присылать исключительно в виде простых почтовых отправлений.

Решение о публикации выносится в течение 2 месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: **<http://www.poisk.miskp.ru>**

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

**П.О.И.С.К.: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура**

Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 1 (30), январь — февраль 2011 г.

Перевод на англ. яз. О. Н. Мамонова

Лит. редактор Л. Г. Королёва

Оригинал-макет О. И. Комиссарова

Учредитель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.

Издатель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы
«Московский институт социально-культурных программ»
127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8, стр. 2.

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного
наследия по Центральному федеральному округу. Свидетельство о
регистрации ПИ № ФС1-01933 от 6 октября 2005 г.

Индекс по каталогу ООО «Агентство «Роспечать»: 36938.

Цена свободная.

Адрес редакции

125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/12, стр. 2.

Проезд: ст. м. «Арбатская».

Телефон: 8 (495) 691-69-14, 8 (495) 927-01-98 (доб. 124).

Факс: 8 (495) 681-17-53.

E-mail: redactor@miskp.ru

Сайт в Интернете: <http://www.poisk.miskp.ru>

Распространение

Журнал «ПОИСК» направляется членам Правительства Москвы, депутатам Государственной Думы от Москвы, депутатам Московской городской Думы, центральным органам власти Российской Федерации, представительством субъектов Федерации в Москве, департаментам, комитетам и управлениям Правительства Москвы, руководителям 125 районов Москвы, учреждениям культурно-досуговой сферы Москвы, подписчикам журнала.

Сдано в набор 12.01.11. Подписано в печать 24.01.11.
Дата выхода в свет 12.02.11.

Формат 60x84/16. Гарнитура «Прагматика».

Тираж 1000 экз. Заказ №

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17

НИЦ «Академика»

127254, Москва, ул. Гончарова, 15

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО «Множительный центр»

Московская обл., г. Воскресенск, ул. Заводская, 1